

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ШАХМАТОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

I

Наука о русском летописании насчитывала до А. А. Шахматова более ста лет своего существования; над русской летописью работали М. И. Сухомлинов, Н. И. Костомаров, И. И. Срезневский, К. Н. Бестужев-Рюмин и многие другие лучшие русские ученые, но лишь с работами А. А. Шахматова явились выводы, прочно вошедшие в обиход науки.

А. А. Шахматов впервые обрисовал грандиозную картину истории русского летописания. Им предположительно определены основные своды древнейшего летописания, предшествовавшего Повести временных лет. Им прослежена история создания Повести временных лет, выяснены ее редакции, восстановлены центральные вехи ростово-суздальского летописания XII—XIII вв. и развернута гигантская схема русского летописания XIV—XV вв. Шахматовым определен состав многих летописных сводов и внелетописных произведений, самое существование которых не подозревалось до его работ. При этом история русского летописания никогда не была самодовлеющей наукой в его трудах: выводы ее были выводами общей науки об истории русского народа. Он внес в изучение летописи новый метод и новое понимание летописного свода, внес новые приемы изучения, изумительные по своей тонкости и дальновидности.

1

Характеризуя метод исследований А. А. Шахматова в области русского летописания, необходимо прежде всего отметить его исключительную способность к построению сложных, больших обобщений, охватывающих огромное число частных фактов летописания, которые он все умел одновременно держать в поразительно большом объеме своего сознания.

А. А. Шахматов вообще мыслил широкими обобщениями, в которые как в сложную систему входило множество отдельных фактов. В изу-

чении летописных списков А. А. Шахматова прежде всего интересовало их место в общей истории русского летописания. Поэтому отдельные выводы А. А. Шахматова всегда были связаны друг с другом крупной обобщающей картиной всего русского летописания в целом.

Уже в первых своих статьях по истории русского летописания, А. А. Шахматов дал обобщающую схему истории русского летописания. Очевидно, что выходу первых работ А. А. Шахматова, посвященных летописи, должна была предшествовать напряженная работа по изучению всех доступных тогда списков русских летописей. Благодаря этой работе, прежде чем опубликовать результаты отдельных исследований, А. А. Шахматов создал себе общее представление о всем ходе русского летописания, о соотношении отдельных списков и, только проверив отдельные наблюдения этой общей своей концепцией, а, с другой стороны, проверив свою концепцию множеством частных фактов, счел их доказанными.

А. А. Шахматова нередко упрекали в гипотетичности построений, в недостаточности приводимых им доказательств для строго логического обоснования выдвинутых им положений. Между тем А. А. Шахматов никогда не исходил в своих построениях из одного или нескольких соображений: аргументация, по которой он выдвигал то или иное решение, всегда была у него чрезвычайно разветвленной и насыщенной. Отдельные соображения уже сами по себе составляли систему, в которой каждое данное решение являлось лишь скромною частью. Все исследования А. А. Шахматова находились между собою в тесной связи, представляли собой единое целое и потому отдельная статья не могла раскрывать во всей полноте аргументации А. А. Шахматова по каждому вопросу. Это обстоятельство очень часто не принималось во внимание оппонентами А. А. Шахматова, полемизировавшими с ним по поводу той или иной работы вне ее связи с другими.

„Сам А. А. Шахматов знал за собой способность к гипотетическим построениям и, видимо, дорожил этой способностью, — пишет С. П. Обнорский. — И действительно, гипотеза, даже неверная, будит мысль, которая и исправит в конце концов ее, если она неверна. И сам А. А. Шахматов не любил типа ученых, корпящих над одними фактами и не решающихся из-за них к выводам, и, напротив, из малого количества данных требовал выводов, ждал предположений, пусть даже предварительных, но все же раздвигающих путь к абсолютной истине“.¹

Кроме того, публикуя то или иное исследование, А. А. Шахматов нередко приводил лишь часть своей аргументации и только из последующих работ становилось ясным, какой огромный запас наблюдений и доказательств находился в его распоряжении. Бывало и так, что в

¹ С. П. Обнорский. „Памяти академика А. А. Шахматова.“ ИОРЯС, т. XXV за 1920 г., Пг., 1922, стр. 463.

своих последующих работах А. А. Шахматов не раскрывал своей аргументации; так, например, в его обширном исследовании „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“ (СПб., 1908) обнародованы далеко не все наблюдения, касавшиеся древнейшего русского летописания. Только после опубликования в 1938 г. его подготовительной черновой работы по русскому летописанию (издана под названием „Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.“), в которую он „для себя“ заносил различные сведения о летописных сводах и о их отношении к Повести временных лет, стало ясным, как много из его доказательств и наблюдений не приводилось им в прижизненных изданиях. О том же говорят хранящиеся в Архиве Академии Наук СССР черновые дневники его занятий летописями и томы Полного собрания русских летописей из его библиотеки, густо испещренные его заметками.

Несмотря на огромную силу обобщающей мысли, А. А. Шахматов был чужд предвзятых концепций. Обобщения А. А. Шахматова росли органически, одновременно с накоплением им фактического материала. Факты и система, наблюдения и обобщения всегда находились у А. А. Шахматова в неразрывной связи.

Работая над частями, А. А. Шахматов всегда имел в виду целое, так же точно, как работая над целым, держал в сознании всю сумму частных фактов. Выводы и аргументация развивались у А. А. Шахматова параллельно. Он строил свои выводы в процессе изучения летописного материала, и этот последний не только не ограничивал его, но значительно помогал ему в поразительных по силе научного воображения построениях.

Именно поэтому А. А. Шахматов всегда стремился к максимальному расширению всех известных ему фактов, неустанно углубляя свое знакомство с рукописными фондами и постоянно вводя в научный оборот новые, неизвестные дотоле летописные списки.

А. А. Шахматов не боялся изменять свои концепции, если факты вынуждали его к этому. Он не опасался расставаться с выводами своих исследований, как это часто бывает с учеными, которым с трудом даются всякие обобщения.

Обогащая свои обобщения новым фактическим материалом и новыми наблюдениями, А. А. Шахматов неустанно возвращался к волновавшим его темам. Редкий вопрос А. А. Шахматов оставлял без пересмотра, постоянно дополнял его новой аргументацией, подвергая новому анализу. Часто новое исследование А. А. Шахматова приводило его к пересмотру ряда общих положений. Это обуславливалось тесной взаимосвязью всех положений А. А. Шахматова. Изменяя свое мнение, А. А. Шахматов никогда не опасался печатно оповестить об этом своих читателей.

Характеризуя эту сторону исследований А. А. Шахматова, М. Д. Приселков писал: „Вовлекая в изучение все сохранившиеся летописные

тексты, определяя в них сплетение в большинстве случаев прямо до нас не сохранившихся летописных сводов, А. А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, какими пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные, что вызывало неодобрение тех исследователей, которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом¹.

А. А. Шахматов первый указал на необходимость изучения всей наличности летописей как поздних, так и ранних. Ставя себе задачей восстановление текста Повести временных лет, А. А. Шахматов не ограничивался подобно многим своим предшественникам двумя-тремя основными списками, а искал все тексты Повести временных лет без исключения, где бы они ни сохранились. Этот широкий охват всего летописного материала составляет разительную силу метода А. А. Шахматова, далеко не осознанную его прижизненными и посмертными оппонентами. Сам А. А. Шахматов следующим образом аргументировал необходимость изучения всех сохранившихся списков памятника: „в истории литературы переплетаются в своих разнообразных сочетаниях разные памятники, эволюционные цепи различных литературных произведений. Если следить только за одной из таких цепей, не принимая в расчет ни параллельных, ни перекрещивающих ее движений, то в результате могут получиться сплошные недоразумения вместо верного представления о действительных явлениях“².

Успех работы А. А. Шахматова объясняется именно тем, что он привлекал к исследованию все известные ему летописные тексты, подвергал изучению и объяснению целиком весь текст каждого летописного списка, стремился к восстановлению памятника не по частям, а опять-таки всего — от начала до конца.³ Благодаря этому в системе А. А. Шахматова почти не оказывалось пробелов, „белых пятен“. Он ставил себе максимальные задачи и именно поэтому добивался максимальных результатов. Естественно, что не во всех случаях этой огромной работы каждый из его выводов отличался полной достоверностью.

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 13.

² Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго „Повести о Мамаевом побоище“. Отчет о XII присуждении премий митр. Макария. СПб., 1910, стр. 84 (6).

³ Сознание А. А. Шахматовым необходимости изучения всей наличности летописей как поздних, так и более ранних в их взаимоотношении для восстановления первоначального состава Повести временных лет ясно из самой последовательности работ А. А. Шахматова по летописанию. Он начал с отдельных работ по летописанию XI—XII вв., но затем обратился к изучению непосредственно всех списков летописей (XIV—XVI вв.) и только позднее возвратился к начальному летописанию, чтобы под конец на базе всех летописных списков дать восстановленный текст Повести временных лет.

Ставя себе задачей восстановление в сей истории русского летописания целиком, А. А. Шахматов естественно должен был отвечать на все вопросы — в том числе и на те, материала для решения которых было еще явно недостаточно. Поэтому оппоненты А. А. Шахматова всегда почти находили в его системе уязвимые места, но попытки противопоставить системе А. А. Шахматова свою систему не приводили к положительным результатам: А. А. Шахматов всегда оказывался шире, глубже и предусмотрительнее своих противников. Редкий из них мог совладать со всем объемом привлекаемого А. А. Шахматовым летописного материала и, указывая в работах А. А. Шахматова отдельные слабые места, был бессилён оспаривать А. А. Шахматова в главном — в общей системе реконструируемого им русского летописания.

Выдвинутые А. А. Шахматовым обобщения подвергались им не только частным доказательствам, но проверялись самой логикой их внутренних соотношений, стройностью самой системы — теми взаимоотношениями, в которые вступали факты внутри созданных им концепций. Именно поэтому А. А. Шахматов не успокаивался в своих доказательствах, пока не достигал полной наглядности своих обобщений, пока все собранные им выводы не слагались в стройную картину целого. Стройность, наглядность, а главное конкретность своих обобщений А. А. Шахматов считал равносильными их доказательству. Это прямо высказано им в самом начале одной из его ранних работ по летописанию: „Настоящее исследование, — писал А. А. Шахматов, — исходит из некоторых положений, которые пока не доказаны. Развитие этих положений, думаю, равносильно их доказательству“ (подчеркнуто мною — Д. Л.).¹ Именно отсюда идет стремление А. А. Шахматова подкреплять свои выводы наглядными схемами² и реконструкциями.

2

Итак, А. А. Шахматов стремился строить свой синтез на возможно большем фактическом материале, сделать его как можно более конкретным наглядным. Та же конкретность и близость к материалу отличает и анализ А. А. Шахматова.

Свой анализ А. А. Шахматов основывал на специфических особенностях самого летописного текста, на особенностях работы летописца, в которой обнаруживал новые стороны, не замеченные его предшественниками. А. А. Шахматов исходил из изучения отдельных летописей как сводов, т. е. как произведений, которые соединяют в себе различные источники: предшествующие летописные своды, литературные произведения, до-

¹ „Хронология древнейших русских летописных сводов“. ЖМНП, 1897, № 4, стр. 463.

² Ср., например, „Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв.“, Л., 1938, стр. 55, 141, 160, 172, 175, 181, 187, 206, 215, 230, 254, 282.

кументы, отдельные летописные статьи и т. д. Понятие летописного свода было известно в науке и до А. А. Шахматова, однако А. А. Шахматов опроверг установленный П. М. Строевым и К. Н. Бестужевым-Рюминым взгляд на свод как на механическое соединение разнообразного материала. А. А. Шахматов отказался видеть в летописном своде лишь случайный подбор материала и во всех случаях предполагал в летописи наличие сознательной, продуманной работы летописца, подбиравшего свой материал под влиянием серьезных политических идей и создававшего своды, проникнутые внутренним идейным единством, спаянные острой политической мыслью. Самые политические идеи, вложенные в летописные своды, А. А. Шахматов считал зависящими не от личного произвола летописцев, а тесными узами связанными с политическими концепциями отдельных феодальных центров, в которых эти своды создавались.

Вместе с тем, А. А. Шахматов указал на бережное отношение летописцев к текстам своих предшественников. А. А. Шахматов считался с тем, что переработка предшествующего летописного материала могла быть допущена составителем летописного свода лишь по очень веским основаниям, максимально сохраняла предшествующий текст и носила строго определенные формы, ограничиваясь выработанными приемами сокращений, дополнений из других источников или некоторыми поновлениями языка и стиля. Комбинируя известия предшествующих сводов, летописец стремился сохранить их архаический вид, как бы угадывая их документальный характер. Ни произвольного искажения текста, ни фантастических добавлений и необоснованных утверждений летописцы, работавшие до XVI в.,¹ как правило, не допускали. Отсюда сравнительно поздние летописи обычно сохраняют в неизменном виде известия XI—XIII вв.

При этом А. А. Шахматов выяснил, что летописец редко вел свои записи из года в год, как это представляли себе предшествующие исследователи. Составление летописного свода совершалось по большей части единовременно. Компилируя работу своих предшественников, летописец дополнял ее собственными записями сразу за несколько лет, доводя изложение до своего времени. Самое составление свода всегда было приурочено к каким-либо знаменательным официальным событиям в жизни феодальных центров: вступление на стол нового князя, основание собора, учреждение кафедры и т. д. Таким образом, работа летописцев в известной мере носила закономерный, единообразный характер. Летописи были внутренне цельными, политически заостренными произведениями.

Такое представление о летописи, как о бережной, политически продуманной компиляции предшествующего летописного материала откры-

¹ Характер работы летописцев в XVI в. несколько меняется.

вало перед исследователем широкие возможности восстановления лежащих в основе летописных списков древнейших сводов, а их приуроченность к знаменательным событиям политической жизни облегчала их датировку. Непрерывность летописной традиции и ее „закономерность“ позволили А. А. Шахматову анализировать работу летописца, вскрывать в ней труд его предшественников, снимать в летописных сводах слой за слоем, подобно тому как поступают археологи в своих исследованиях. Терпеливо распутывая в списках XV—XVI вв. легшие в их основу комбинации предшествующих сводов и анализируя их взаимоотношения, А. А. Шахматову удалось шаг за шагом восстановить всю огромную многовековую историю русского летописания — вплоть до древнейших текстов первой половины XI в. Перед филологической наукой неожиданно открывались, таким образом, возможности восстановления утраченных памятников литературы. Открытие этих возможностей имело исключительное значение. Опыты восстановления древнейших памятников летописания явились одним из высших достижений русской науки.¹ При этом лучшим и наглядным подтверждением правильности исследовательских приемов А. А. Шахматова по изучению состава исчезнувших памятников явились открытия им новых списков летописей, полностью оправдавших своим составом многие из его положений. Изучая сборник Московского Главного Архива Министерства иностранных дел № 20—25, в начале которого находилась летопись, названная Карамзиным Ростовскою, Шахматов нашел, что она представляет собою слияние новгородского свода, составленного в 1539 г., и московского, составленного в 1480 г.² Позднейшие открытия полностью подтвердили этот вывод Шахматова. Шахматову удалось найти впоследствии самые рукописи, отразившие и этот новгородский свод 1539 г., и московский свод 1480 г. Новгородский свод 1539 г. был обнаружен А. А. Шахматовым в рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде F. IV. 238, названной А. А. Шахматовым сводом Дубровского; московский же свод 1480 г. А. А. Шахматов нашел позднее в так называемом Эрмитажном списке № 4166 той же библиотеки. Впоследствии М. Н. Тихомиров нашел еще один список свода 1480 г. (Государственный Исторический музей, Уваровское собрание, № 1366 — XVI в.).

Смелая задача дословного восстановления утраченных летописных и литературных текстов неоднократно увлекала А. А. Шахматова.

¹ Пользуюсь случаем, чтобы напомнить о филигранной работе покойного М. Д. Присекалова, восстановившего текст утраченной Троицкой летописи (свода 1408 г.) — основного памятника русского летописания XV в. Работой этой, когда она будет опубликована, сможет гордиться советская наука. Упомяну, кстати, что работа по восстановлению Троицкой летописи была начата еще А. А. Шахматовым (Архив АН СССР, Фонд Шахматова, № 337).

² См. работу А. А. Шахматова „О так называемой Ростовской летописи“, М., 1904 (отд. отт. и в Чт. ОИДР, кн. 1, стр. 1—162).

Им текстуально реставрирован целый ряд памятников, о существовании которых до работ А. А. Шахматова даже и не подозревали.

В работе 1904 г. „Сказание о призвании варягов“¹ А. А. Шахматов сделал попытку восстановить текст разных сказаний о призвании варягов. В работе 1898 г. „Житие Антония и Печерская летопись“² А. А. Шахматов предпринимает смелую попытку восстановления состава и тенденции жития Антония Печерского, написанного в последней четверти XI в. и утраченного уже к XIV в. В работе того же года „Предисловие к начальному Киевскому своду и Несторова летопись“³ А. А. Шахматов дает восстановленный им текст предисловия Начального свода. В приложении к „Разысканиям о древнейших русских летописных сводах“,⁴ А. А. Шахматов издает реконструкции Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г. и Новгородского свода 1050 г. с продолжениями до 1079 г. Наконец в 1916 г. А. А. Шахматов опубликовал весь реконструируемый им текст Повести временных лет по второй и третьей редакции с выделением особым шрифтом текста Начального свода 1095.⁵

Таким образом, А. А. Шахматов дал не только детально (вплоть до отдельных списков) разработанную обобщающую схему развития русского летописания, — он стремился к живому, наглядному, реальному воспроизведению русского летописания во всей его сложности. Однако А. А. Шахматов видел в реставрированных им текстах лишь иллюстрацию к выводам, своеобразные „материализованные обобщения“, последнее и самое веское доказательство возможности своих выводов. Он решительно высказывался против некритического использования реставрированных им текстов в качестве первоисточников. В рецензии на работу М. Д. Приселкова „Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.“,⁶ в целом оценивавшуюся им чрезвычайно высоко, А. А. Шахматов писал: „Автор должен был бы стать в теснейшую и непосредственную связь с основным для него источником — русской летописью; между тем, он поставил между этим источником и собой мое исследование о древнейших русских летописных сводах. М. Д. Приселков идет при этом так далеко, что редко ссылается на Лаврентьевский и Ипатьевский списки, излагая события X—XI вв.; летописные тексты приводятся им по моему предположительному (подчеркнуто мною — Д. Л.) чтению (напр., стр. 56, 66). Разумеется само собой, что и исследователь не только может, но и должен

¹ ИОРЯС, 1904, т. IX, кн. 4.

² ЖМНП, 1898, № 3.

³ ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 1.

⁴ Летопись занятий Археографической комиссии, т. XX, СПб., 1908.

⁵ „Повесть временных лет“, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.

⁶ СПб., 1913.

считаться с предшественниками и результатами их работ. Но отношение к ним должно быть, прежде всего, критическим¹.

3

Восстанавливая историю русского летописания, указывая происхождение летописных списков и постепенно свод за сводом разматывая запутанный клубок русского летописания, А. А. Шахматов выработал ряд искусных приемов изучения летописного текста.

Необходимо заметить, что известная шаткость выводов А. А. Шахматова в вопросах начального русского летописания отнюдь не зависит от каких-либо особенностей (недостатков) приемов изучения им летописей. Метод А. А. Шахматова, отдельные искусные приемы анализа летописных текстов, так же как и самые представления о работе летописцев были им выработаны главным образом на материале позднего летописания — в работах над Симеоновской, Ермолиновской, так наз. Ростовской летописями, Супрасльским списком, Радзивилловской и т. д. Здесь приемы Шахматова дали бесспорные результаты и никто из исследователей никогда не поднимал вопроса о недостаточности приемов изучения летописания в этих работах А. А. Шахматова. Тот же самый метод был применен А. А. Шахматовым и к начальному русскому летописанию, поскольку он был убежден, что характер ведения летописей в древней Руси оставался почти неизменным. Следовательно, если в разработке вопросов начального русского летописания выводы А. А. Шахматова не оказались в той же мере бесспорными, то дело здесь не в методе, а в недостатке самого материала. Ведь в выяснении вопросов начала русского летописания XI в. А. А. Шахматову приходилось обращаться к спискам, древнейшие из которых относились только к концу XIV в. Решительно все построения всех исследователей о начале русского летописания отличаются тою же гипотетичностью, или даже значительно большею.

Из отдельных приемов анализа текста прежде всего необходимо отметить широкое применение А. А. Шахматовым сличения различных летописных списков. До исследований А. А. Шахматова сличение состава и проверка взаимоотношения отдельных летописных списков систематически не производились. Между тем А. А. Шахматов применил этот прием ко всему материалу летописей. При этом А. А. Шахматов не доверял изданиям, а клал в основу своих построений непосредственно рукописные тексты, стремясь по возможности исчерпать родственные списки.

Сравнительное изучение различных родственных летописных списков позволяло А. А. Шахматову обнаружить в их основе сходные

¹ А. А. Шахматов. „Заметки о древнейшей русской церковной жизни“. „Научно-исторический журнал“, 1914, № 4, стр. 45.

элементы. Иногда эти сходные элементы оказывались результатом заимствований, но гораздо чаще они объяснялись общностью источника, что при относительном богатстве сходных элементов в русском летописании давало основания восстанавливать и текст источника, и его историю с относительной достоверностью. Отличить общий источник от заимствования почти всегда оказывалось возможным, благодаря тому обстоятельству, что общий источник лучше сохранился не в одном из списков, а частично то в одном, то в другом. В разных списках в одинаковой мере встречаются и древнейшие чтения и искажения. Почти во всех случаях¹ такое распределение древнейших чтений и искажений служит гарантией существования общего источника обоих списков. Самые искажения, описки, переделки, сокращения, дополнения последующих списков А. А. Шахматов внимательно изучал и на основании их характера стремился детально уяснить себе историю сводов и списков.

Прием кропотливого сличения рукописных текстов был основным приемом исследования А. А. Шахматовым истории русского летописания. Он разработал его до предельной точности. Поэтому отсутствие параллельных текстов всегда служило серьезным препятствием при установлении истории летописного текста. Так обстояло, например, с изучением текста Ипатьевской летописи за XII—XIII вв., до сих пор слабо изученного из-за своего одинокого положения среди памятников русского летописания. И, наоборот, наличие большого числа параллельных текстов, как, например, в московском летописании XV в., позволяло А. А. Шахматову прийти к выводам большой точности.

Установив взаимоотношения списков и составляющих их летописных сводов, второй своей задачей А. А. Шахматов ставил изучение места, времени и обстоятельств создания каждого списка и каждого свода. В этом отношении А. А. Шахматову помогало изучение состава летописных записей. Летописные записи по своему содержанию давали прежде всего материал для определения того феодального центра, в котором они были созданы. А. А. Шахматову удавалось установить вложенные в них политические тенденции, главным образом на основании тех изменений, которым подвергались в них записи предшествующих летописцев. Иногда случайные обмолвки летописцев, хронологические ошибки личных записей и т. д. представляли возможность определить время создания списка или свода и личность летописца. Таким образом, изучением состава летописных записей А. А. Шахматов стремился исчерпывающе представить историю летописания, дать цельную историческую картину летописной работы. Здесь А. А. Шахматов становился историком, его выводы принимали характер исторических выводов и выходили за пределы истории текстов. Летопись изучалась А. А. Шах-

¹ Наблюдения затрудняются в тех случаях, когда неисправный летописный текст оказывался выверен летописцем по более исправному, что обычно установить не легко.

матовым как историческое явление, как результат воздействия исторических факторов, исторической среды, как проявление общественного самосознания и как памятник культуры своего времени.

В качестве примера блестящего анализа летописных сводов, имеющего крупное общен историческое значение, укажу на исследование А. А. Шахматовым обстоятельств, места, времени и политической тенденции составления „Владимирского Полихрона“ Фотия 1423 г.¹ Анализ этот дал исключительно богатую картину культурной и идейной жизни Руси первой половины XV в.²

Нет нужды приводить особые примеры, рисующие острое и наблюдательное мастерство владения А. А. Шахматовым этими двумя приемами (сличением списков и анализом содержания): ими достаточно насыщено каждое из исследований А. А. Шахматова по летописанию.

Кроме этих двух приемов, помогавших А. А. Шахматову расслать летописный текст, выделить в нем отдельные своды, установить их взаимоотношения и весь процесс летописной работы, он пользовался и другими, — носившими подсобный характер и позволявшими значительно уточнять выводы. Укажу на главные.

При анализе состава летописных записей А. А. Шахматов особое внимание обращал на изучение всякого рода встречающихся в них хронологических указаний. Объяснение хронологических ошибок, неточностей, обмолвок, ретроспективных замечаний, указывающих на исходные моменты летописания, давало А. А. Шахматову огромный материал, позволявший уточнять время составления сводов и списков. Так, например, остроумное истолкование причины хронологической ошибки русских хронографов в определении числа лет царствования Иоанна Палеолога и его преемника императора Константина привело А. А. Шахматова к заключению, что первоначальная редакция русского хронографа доводила свое изложение только до 1442 г.³ Можно считать, что А. А. Шахматов изучил всю хронологию известных ему списков русских летописей, подверг тщательному истолкованию все встречающиеся в них обмолвки и ошибки, уточнив тем самым многие этапы летописной истории.

Хронологические указания извлекаются А. А. Шахматовым также из встречающихся в летописях перечней и списков князей, митрополитов, епископов, посадников, русских епархий и т. д. Перечни эти доводились обычно составителем свода до своего времени. Его преемники иногда оставляли эти списки без дополнений и поправок и по-

¹ „Общерусские летописные своды XIV и XV вв.“, ЖМНП, 1900, № 9, стр. 163 и след.

² На анализ этот неоднократно ссылается А. Е. Пресняков в монографии „Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий“, Пг., 1918.

³ См. „Пахомий Логофет и Хронограф“. ЖМНП, 1899, № 1; „К вопросу о происхождении Хронографа“. Сб. ОРЯС, т. LXVI, 1899, № 8; „Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.“, Л., 1938, стр. 134—136.

этому данные их могли указывать на время работы одного из составителей сводов. Так, например, на основании приписки в первой редакции Новгородской IV летописи имени ростовского епископа Ефрема, занимавшего ростовскую кафедру в 1427—1453 гг., А. А. Шахматов подтвердил свой вывод о том, что первая редакция Новгородской IV летописи могла относиться только ко времени до 1454 г.¹ Время написания Ростовской летописи (Сборник Ар и ва Министерства иностранных дел), употребленной при составлении Воскресенской летописи, устанавливается А. А. Шахматовым на основании родословной, помещенной летописцем под 887 г., где последними названы сыновья Ивана III Васильевича: Василий (родился в 1479 г.) и Юрий (родился в 1480 г.) и не упомянуты Дмитрий, родившийся в 1482 г., и Семен, родившийся в 1487 г. Отсюда А. А. Шахматов делает вывод, что Ростовская летопись могла быть составлена только в 1480—1481 гг.² Хронологические данные для Софийского временника А. А. Шахматов извлекает из имеющихся в нем перечней великих князей киевских, новгородских князей, русских митрополитов, новгородских владык, русских епархий и новгородских посадников.³ Анализ хронологической выкладки русских событий в Софийской I и Новгородской IV под 6360 (852) г. приводит А. А. Шахматова к выводу, подтверждающему составление второй (третьей) редакции Повести временных лет в 1118 г.,⁴ и мн. др.

Личные записи летописцев позволяли иногда А. А. Шахматову устанавливать составителей сводов. Так, например, имя составителя новгородского свода 1425 г. — Матвея Михайлова — выясняется А. А. Шахматовым на основании записей в Новгородской IV о его семье под 1375, 1382, 1405, 1406, 1411 и др. годами.⁵

Обильные данные извлекаются А. А. Шахматовым из анализа описок, общность которых сразу нескольким спискам дает весьма точные сведения для суждения об истории этих списков. Так, например, в московском своде 1480 г. А. А. Шахматов видит почти полное отражение сгоревшей Троицкой летописи (свода 1408 г.). Это устанавливается им, в частности, на основании того, что в летописях, связанных со сводом 1480 г. (Ростовской и Воскресенской), имеются те же описки, которые находились и в Троицкой: „так в описании новгородского пожара 1369 г. в Ростовской и в Воскресенской, согласно с Троицкой (ИГР., V, пр. 137), читаем „по Головине улице“ вместо „по половине улице“.⁶

¹ „Общерусские летописные своды XIV и XV вв.“ ЖМНП, 1900, № 9, стр. 99.

² Там же, стр. 152.

³ „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“, СПб., 1908, стр. 194 и 195.

⁴ „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“, СПб., 1908 г., стр. 207—209. В „Поправках и дополнениях“ к „Разысканиям“ дата составления второй (третьей) редакции Повести временных лет уточняется началом 1119 г. (конец мартовского 6626 г.), стр. 669.

⁵ „Общерусские летописные своды XIV и XV вв.“, ЖМНП, 1900, № 9, стр. 114.

⁶ Там же, стр. 155—156.

Особое значение имеют случаи дублировок летописных записей. Дублировки эти могут быть двух типов: либо записи сделаны в разной форме и тогда они указывают на слияние в летописи двух различных текстов, говоривших об одном и том же, что осталось непонятым летописцем при составлении свода, либо обе записи приведены в летописи (чаще всего под разными годами) в одной и той же форме. В последнем случае дублировка указывает, что один и тот же летописный источник прошел через разные летописи, которые затем были вновь сведены в одной, либо что летопись в месте дублировки разбита вставкой. Так, например, в Новгородской IV и Софийский I летописях под 1382 г. читается известие „преставися Михайло, отецъ Матфеев“ два раза: сначала в летописной статье, предшествующей обширной повести о взятии Москвы Тохтамышем, а потом в статье, помещенной вслед за этой повестью. Ясно, что повторение этой летописной статьи, а в ней и домашнего известия новгородского летописца, явилось следствием вставки повести о взятии Москвы.¹ На основании многочисленных дублировок известий в Новгородской IV летописи и наблюдения над их составом А. А. Шахматов делает вывод о том, что Новгородская IV летопись составлена на основе двух новгородских летописных сводов: Новгородской I летописи и того обширного, сложного по составу свода, который послужил источником Софийской I летописи.²

Особое место занимает в исследованиях А. А. Шахматовым генеалогии летописных сводов анализ летописного языка. Отдельные погрешности языка, синтаксические неувязки и неправильные формы слов позволяют А. А. Шахматову устанавливать вставки (например, вставка имени Свенельда в нескольких местах Начального свода³), пропуски и переделки.⁴ Диалектизмы, встреченные А. А. Шахматовым в Радзивиловской летописи, привели его к уверенности в смоленском происхождении ее списка.⁵ На основании анализа языка русских известий Хронографа А. А. Шахматов пришел к заключению, что первоначальная редакция Хронографа составлена сербом, работавшим в России: „в русских известиях хронографа, — пишет А. А. Шахматов, — замечаются сербизмы, доказывающие, что они внесены в хронограф сербом: так Святослав и Святополк называются постоянно Цвѣтославом и Цветополком...; так, в рассказе о борьбе отрока Переяслава с печенежином быж (или вол) в русской летописи заменен словом юнец (ср. сербск.

¹ „Общерусские летописные своды XIV и XV вв.“, ЖМНП, 1900, № 9, стр. 114.

² Там же, стр. 103.

³ „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“, СПб., 1908, стр. 369 и сл.

⁴ Ср., напр., анализ фразы: „И от тех Варяг, находник тех, прозвася Русьская земля, Новѣгородѣи ти суть людѣ Новѣгородѣи от рода Варяжьска, преже бо беша Словене“ („Разыскания...“, стр. 298—307); анализ рассказа об овладении Игоря или Олега Киевом (там же, стр. 318 и сл.) и др.

⁵ „Заметка о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи“. Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 69—74.

јунац — молодой бык); так, под 6915 г. читаем: „а москвичь блях под Вязьмою“ вместо: „а москвичи были под Вязьмою“ и т. д.¹

Разнообразие приемов, которые применяет А. А. Шахматов, исключительно велико. Исчерпать их в краткой статье невозможно. Мы привели лишь наиболее типичные, однообразное и повторное применение которых А. А. Шахматовым целиком зависело от некоторого однообразия в работе самого летописца. Гениальной интуицией исследователя А. А. Шахматов проник в самые способы составления сводов и списков и именно на них основывал свои приемы извлечения данных о недошедших до нас в непосредственном виде летописных сводах.

Вместе с тем, надо иметь в виду следующее: А. А. Шахматов постоянно стремился проверить свои наблюдения приемами разного характера, подойти к тексту с разных сторон. Приведу примеры отдельных „комплексных“ наблюдений А. А. Шахматова над вставками в Повести временных лет.

Логически-смысловым анализом текста А. А. Шахматов обнаруживает в Повести временных лет явные вставки, разрушающие логическое развитие летописного рассказа. Так, например, рассказав о трех местах Ольги древлянам за убийство мужа — Игоря, летописец заключает: „и победиша Древляны“. Казалось бы после этих слов следует ожидать сведений о той дани, которую Ольга возложила на побежденных. Но, оказывается, что с древлянами не все закончено: древляне затворяются в своих городах, после чего летописец рассказывает снова о победе Ольги над уже побежденными древлянами — о ее четвертой мести. И только после этого уже следуют слова: „и възложиша на ня дань тяжьку“. Ясно, что рассказ о четвертой мести Ольги древлянам искусственно вставлен в летописный текст, разорвав его логическое течение. Вместе с тем эта же вставка обнаруживается А. А. Шахматовым и другим путем: именно так, как было предположено выше, т. е. без четвертой мести, рассказ о местах Ольги читается в Новгородской первой летописи младшего извода (где в начале находится свод, предшествовавший Повести временных лет). Повествование разворачивается здесь следовательно логически. Или еще пример разностороннего анализа А. А. Шахматовым текста. В 971 г., видя убыль в своей дружине, Святослав решает вернуться из византийских пределов за новым войском: „пойду в Русь, — говорит он, — приведу боле дружины“. И он, действительно, исполняет свое решение: „пойде в лодях к порогом“. Но между рассказом о решении продолжать войну с новым войском и рассказом об исполнении этого решения находится повествование о заключении Святославом мира с греками и обширный текст договора. Ясно, что и здесь мы имеем дело со вставкой. Эта вставка также может

¹ „Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.“ Л., 1938, стр. 143. Ср. также „Пахомий Логофет и Хронограф“, ЖМНП, 1899, № 1.

быть обнаружена в тексте младшего извода Новгородской первой летописи, где текст договора Святослава с греками действительно отсутствует и фраза строится логически: „И рече: поиду в Русь и приведу болши дружине; и поиде в лодях“.

Возьмем еще пример — анализ А. А. Шахматовым рассказа о крещении Владимира, читающегося в Повести временных лет. Путем логически-смыслового анализа текста Шахматов выяснил, что в основе летописного рассказа лежат два слитых вместе рассказа о крещении Владимира: в одном говорилось о его крещении в Киеве в результате „испытания вер“, а в другом — о крещении его в Корсуни как условии женитьбы на сестре императора. Пересмотрев внелетописные произведения, Шахматов пришел к тому же выводу: рассказ о крещении в Корсуни Шахматов нашел в „Житии Владимира особого состава“ в Плягинском сборнике, а рассказ о крещении в Киеве — в „Памяти и похвале князю рускому Володимеру...“ (в кратких извлечениях из какой-то древней летописи). Следовательно Шахматов подвергает источник „перекрестному допросу“ и в результате получает наблюдения большой убеждающей силы.

Таким образом, наблюдения А. А. Шахматова очень сложны, „комплексны“. К ним он приходит с разных сторон: грамматически, логически, путем сравнения разных списков и т. д.

4

Отдельные приемы исследования летописного текста были известны в изучении летописей еще до А. А. Шахматова. В частности, пользование дублировками, хронологическими обломками и т. д. встречается в работах о летописи М. П. Погодина, И. И. Срезневского, Д. И. Прозоровского и др. Однако А. А. Шахматов внес новое в самый принцип применения этих приемов. Отказавшись от эпизодических наблюдений летописного текста, А. А. Шахматов применил эти приемы ко всему летописному материалу летописных списков в целом. Подобно тому как обобщения А. А. Шахматова охватывали все известные ему летописные списки, — анализ А. А. Шахматова охватывал весь текст каждого летописного списка в отдельности.

Начав с блестящего исследования начальной хронологической даты летописи,¹ А. А. Шахматов вскоре пришел к заключению о невозможности восстанавливать историю летописных сводов путем эпизодических, хотя бы и чрезвычайно удачных, наблюдений. Поэтому в следующей статье он подверг общему изучению весь хронологический материал Повести временных лет и начальной части некоторых новгородских летописей, обнаружив в них две различные хронологические системы, что блестяще подтвердило выдвинутую им гипотезу о том, что в осно-

¹ „Исходная точка летосчисления Повести временных лет“, ЖМНП, 1897, № 3.

ве начальной части младшего извода Новгородской I летописи сохранился свод, предшествовавший Повести временных лет.¹

Так же точно обстояло дело и со всеми другими приемами в изучении летописного текста. А. А. Шахматов пользовался ими не эпизодически для тех или иных случайных наблюдений, а стремился к анализу всего летописного текста без пропусков, подвергал проверке все случаи дублировок, все списки, слыл весь летописный текст и т. д. Результаты такого рода изучения летописного текста для всего объема русского летописания были исключительны по значению.

Однако такого рода „сплошной“ анализ А. А. Шахматова, так же точно, как и „сплошное“ обобщение в опытах реконструкции летописных текстов, имел некоторые слабые стороны: не все данные анализа А. А. Шахматова могли быть в одинаковой мере прочно обоснованы, и этим в широкой степени пользовались оппоненты А. А. Шахматова, не считаясь с взаимосвязью всех частей шахматовского анализа и синтеза.

5

Способы и приемы А. А. Шахматова при издании восстанавливаемых им летописных памятников до сих пор мало привлекали к себе внимание. Возьмем в качестве примера наиболее крупную из его реконструкций — изданный им текст Повести временных лет (Пг., 1916).

В задачу А. А. Шахматова не входило восстановление какой-либо из редакций Повести (первой, второй или третьей). А. А. Шахматов дает сводный текст второй и третьей редакций, в целом соответствующий Повести временных лет по Лаврентьевской летописи. Поэтому в основание издания положена Лаврентьевская летопись, а утраты отдельных листов и годовых статей восполнены по Радзивилловскому списку. В основание статей третьей редакции, отсутствующих во второй, положен Ипатьевский список (текст этих статей печатается А. А. Шахматовым с отступлением набора вправо). Однако списки, привлекаемые А. А. Шахматовым для издания, выбраны им не по признаку внешней близости их к Лаврентьевскому списку и к Ипатьевскому (а именно так выбрал бы списки для разночтений всякий иной издатель памятника древнерусской письменности); А. А. Шахматов строго согласует привлечение списков к изданию с результатами изучения им всей истории русского летописания. Так например, А. А. Шахматов привлекает к изданию такие внешне далекие от Лаврентьевской и Ипатьевской летописи, как Синодальный список Первой Новгородской летописи и Комиссионный список Новгородской первой, в которых Повесть временных лет читается в отрывках с 1074 г. Показания Комиссионного списка, когда они совпадают с показаниями одного из основных списков, всегда оказываются для А. А. Шахматова решающими; так же точно и пока-

¹ „Хронология древнейших русских летописных сводов“, ЖМНП, 1897, № 4.

зания Синодального списка. Основания к привлечению именно этих списков сложно обоснованы А. А. Шахматовым всей историей русского летописания; в частности, несмотря на всю краткость Синодального списка — он единственный, сохраняющий отрывки третьей редакции Повести временных лет в чистом виде, без смешения со второй редакцией. Так же точно в разных местах А. А. Шахматов привлекает такую позднюю летопись, как Никоновская. Он использует ее там, где она может восходить к древней Ростовской летописи.

Можно привести и еще целый ряд других случаев, когда А. А. Шахматов, в отступление от обычных приемов издания древних памятников, с успехом привлекал показания казалось бы весьма далеких, а иногда и поздних списков. В этом отношении А. А. Шахматов далеко опередил старую школу издателей русских средневековых памятников письменности.¹

Необходимо, впрочем сказать, что там, где исправления основных списков выходили за пределы проделанного А. А. Шахматовым изучения истории летописных списков, им допускались произвольные исправления. Нередко А. А. Шахматов исправлял чтения основных списков „по впечатлению“. Исправления, отмеченные в примечаниях, как сделанные на основании тех или иных списков, произведены, однако, не точно по ним: обычно дается не чтение списка, а все же предположительное чтение. Кроме того А. А. Шахматов исправляет не только то, что ему кажется „искажением“, но делает вставки целых фраз, опущенных в основных списках, как он предполагает, „по недосмотру“ переписчиков. Вставки эти, как правило, историей летописных списков не подсказываются. Таких случаев в издании Повести временных лет около 30. Самая большая вставка имеет объем пять строк.²

Некоторая произвольность допускается А. А. Шахматовым и при исправлении вставных в летописи памятников. Эти внелетописные памятники исправляются А. А. Шахматовым по лучшим спискам этих произведений. Так например, тексты пророков даются по Слову о законе и благодати в Мусин-Пушкинском списке; исповедание веры Владимира по Троицкому списку XII—XIII вв. этого исповедания; Хроника Амартола по списку б. Московской духовной академии № 100 и Уваровскому XV в. № 966. Между тем, ясно, что летописец — составитель Повести временных лет мог пользоваться уже далеко не лучшими списками или списками в иной редакции.

¹ В последнее время попытку возрождения старого способа издания памятников летописания, способа, основывающегося не на изучении генеалогии списков, а на их группировке по внешним признакам, сделал С. А. Бугославский. См. его статью „Повесть временных лет (списки, редакции, первоначальный текст)“ в сборнике „Старинная русская повесть“, М., 1941, стр. 7—37. Метод издания летописей А. А. Шахматовым получил в этой статье неправильную и тенденциозную характеристику.

² Стр. 207^{17—22}.

Особенно произвольны попытки А. А. Шахматова исправлять тексты вставных памятников согласно с правилами православной догматики. Так в Исповедании веры Владимира А. А. Шахматов дает следующий текст: „Сынъ есть Сынъ подобносушнъ и събезначальнъ Отыцу“ согласно с Троицкой рукописью и согласно с догматическими положениями православной церкви. Между тем во всех списках летописи читается: „Святый есть Сынъ подобносушнъ и събезначальнъ Отыцу“ (намек на *filioque*). Или в тексте Амартола А. А. Шахматов дает: „Темъ же достойно похвалити ангелы, — якоже Иоанъ Златоустъ рече, — ибо ти Творьцю безмълчно поють“. Однако все списки летописей дают чтение „безначально поють“. Приведенными случаями, впрочем, исчерпываются у А. А. Шахматова исправления этого рода.

6

Не все исследования А. А. Шахматова одинаковы по приемам изучения. Начав с чисто текстологических наблюдений,¹ А. А. Шахматов постепенно пришел к выводу о теснейшей связи летописания с политической жизнью русского народа и неуклонно, от исследования к исследованию, усиливает историческую аргументацию своих выводов, рассматривает историю текста, как отражение политической истории страны, уделяет особое внимание тому, при каких исторических обстоятельствах возник данный свод или список. В начале своего изучения Повести временных лет А. А. Шахматов ограничивался данными текста и выделял две редакции Повести. Лишь впоследствии А. А. Шахматов пришел к выводу о том, что каждая из этих редакций отразила в своем составе политические идеи различных партий, находилась в неразрывной связи с политической жизнью Киевской Руси. Анализ исторической жизни Киевской Руси конца XI — начала XII в. многое уточнил и изменил в предложенной им истории редакции Повести временных лет.

Уже в работе 1897 г. „Киево-печерский патерик и Печерская летопись“² А. А. Шахматов прибегает к исторической аргументации, характеризуя политическую деятельность и религиозные взгляды Изяслава Мстиславича (сидел в Киеве с небольшими перерывами с 1146 по 1154 гг.). С течением времени А. А. Шахматов все усиливал общеоисторическую сторону своих исследований. Он выяснял исторические предпосылки составления летописных сводов, указывал цели и движущие политические идеи их создателей. Особенно резко этот исторический подход сказался в первой большой обобщающей работе А. А. Шахматова 1900—1901 гг.: „Общерусские летописные своды XIV и XV веков“.³

¹ Ср. „О начальном Киевском летописном своде“, Чт. МОИДР, 1897, кн. 3 (182); „Исходная точка летописания Повести временных лет“, ЖМНП, 1897, № 3; „Хронология древнейших русских летописных сводов“, ЖМНП, 1897, № 4; „Древнейшие редакции Повести временных лет“, ЖМНП, 1897, № 10 и др.

² ИОРЯС, 1897, т. II, кн. 3.

³ ЖМНП, 1900, №№ 9 и 11; 1901, № 11.

Тонкий анализ политической идеологии митрополичьей кафедры и состава московских летописных сводов позволял А. А. Шахматову установить тесную связь между объединением Руси и появлением общерусских по своему содержанию летописных сводов. „Цель настоящей статьи, — писал А. А. Шахматов, — объяснить указанный характер древнейших московских летописных сводов и поставить его в действительную связь с идеями и интересами современной им эпохи“.¹

В работах последних лет А. А. Шахматов заявляет себя первоклассным историком и не только пользуется историческими фактами для своих построений, но дает новое, подчас разрушающее старое, представление о политической жизни Руси. „Острота наблюдения и сила критической мысли А. А. Шахматова таковы, — писал С. Ф. Платонов, — что достигнутый им результат, освещая изучаемый памятник, освещает и его историческое содержание, бросая новый свет на события и лица эпохи“.² Именно этой своей стороной работы А. А. Шахматова вызвали к жизни ряд исторических исследований, по новому осветивших древнейшие судьбы русского народа.³

И в изучении истории русского языка, и в изучении русских летописей А. А. Шахматов с годами все более и более становился историком русской народности. Не случайно в последние годы А. А. Шахматов работал для предполагавшегося на английском языке издания „Истории России“ под редакцией А. С. Лаппо-Данилевского.

В историю России работы А. А. Шахматова внесли представление о сложности умственной жизни Руси. Работу летописцев А. А. Шахматов рассматривал как работу крупных политических деятелей. Он изгнал представление о случайном характере составления сводов, указал на огромное значение в Древней Руси летописания, шаг за шагом вскрывал сложную, тонкую политическую игру деятелей русской истории.

Не любовь только, но гораздо реже встречающееся уважение к историческому прошлому русского народа, уважение к работе летописцев, готовность видеть в них умных, энергичных и широко эрудированных историков ощущается не только в выводах, но лежит в основе самого метода исследований А. А. Шахматова.

II

В центре своих исследований летописи А. А. Шахматов поставил Повесть временных лет. Он берется за задачу, с которой началось изучение русских летописей в работах А. Л. Шлецера: восстановление

¹ ЖМНП, 1900, № 9, стр. 91.

² ИОРЯС, т. XXV, 1920, Пг., 1922 г., стр. 138.

³ Например, работы М. Д. Приселкова, „Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.“, СПб., 1913; В. А. Пархоменка, „Начало христианства на Руси“, Полтава, 1913; А. Е. Преснякова, „Княжое право“, СПб., 1909 г. и нек. др.

летописного текста „Нестора“. Еще при подготовке к магистерским экзаменам 1887—1890 гг. А. А. Шахматов занимается Повестью временных лет. Ей же была посвящена одна из его двух пробных лекций по окончании экзамена (в 1890 г.). Своих занятий летописью А. А. Шахматов не оставляет; через семь лет он публикует ряд превосходных детальных исследований по древнейшему русскому летописанию. Но уже в 1900 г., стремясь охватить историю летописания на всем ее протяжении, он публикует свое знаменитое исследование „Общерусские летописные своды XIV и XV вв.“. С тех пор А. А. Шахматов работает над рядом частных вопросов, охватывавших все русское летописание в целом и направленных, в конечном счете, на изучение всех списков Повести временных лет. Результатом этих работ явились два обширных труда А. А. Шахматова, снова вернувших его к Повести временных лет, как к главному притягательному центру его интересов в области летописания: в 1908 г. вышли „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“, а в 1916 г. был опубликован I том его исследования „Повести временных лет“.

7

К 1897 г. относится ряд трудов А. А. Шахматова, посвященных выяснению истории постепенного сложения Повести временных лет, в частности, обнаруженному им в составе новгородских летописей своду, предшествовавшему Повести временных лет и названному им „Начальным“. Наиболее крупное исследование об этом Начальном своде было им опубликовано в „Чтениях в Обществе истории и древностей Российских“.¹ Открытие Начального свода явилось краеугольным камнем всех дальнейших изысканий А. А. Шахматова в области восстановления сводов, предшествовавших Повести временных лет. Хотя выводы этих первых работ А. А. Шахматова о Начальном своде были им впоследствии коренным образом изменены, тем не менее именно в этих работах 1897 г. были наиболее полно изложены главные текстологические основания восстановления Начального свода. Впоследствии, неоднократно изменяя свои представления о Начальном своде, А. А. Шахматов постоянно откладывал окончательное опубликование всех доказательств, связанных с этим главным вопросом его исследований. Ни в „Разысканиях о древнейших русских летописных сводах“, ни в I томе „Повести временных лет“ вопрос о начальном своде так и не получил полного освещения. В известной мере этот недостаток восполняется черновой рукописью „I. Начальный свод“, относящейся к последним годам жизни А. А. Шахматова (печатается в настоящем сборнике, стр. 119—160), где им заново поставлен и пересмотрен ряд вопросов.

¹ „О Начальном Киевском своде“, Чт. МОИДР, 1897, кн. 3 (182). Ср. также „Хронология древнейших русских летописных сводов“, ЖМНП, 1897, № 4.

История новгородского летописания, из которой А. А. Шахматов извлек основные данные для Начального свода, представлялась ему в 1897 г. в следующем виде. В 1200 г. был составлен первый Новгородский летописный свод, вобравший в себя древнейшее новгородское летописание. Вторым Новгородский свод был доведен до 1236 г. и осложнен различными повестями, из которых младшая — Повесть о нашествии татар (1237—1239), а последняя в своде — Повесть о взятии Царяграда крестоносцами. Третий Новгородский летописный свод, получивший название Софийского временника, был составлен около 1255 г. В основание его был положен второй Новгородский летописный свод, доведенный до 30-х гг. XIII в. и дополненный некоторыми новгородскими известиями из других источников, а кроме того Суздальский свод XIII в. Этот Суздальский свод был составлен после 1224 г., так как в хронологической выкладке под 887 г., попавшей из него в Софийский временник, упоминалась Калкская битва. Вероятно свод этот был доведен до 30-х гг. XIII в. Из него составитель Софийского временника извлек недостававшие ему известия на всем протяжении летописного рассказа. В начало Софийского временника вставлено чрезвычайно интересное по своему содержанию предисловие, в котором составитель его (он же по представлениям А. А. Шахматова 1897 г. — составитель Софийского временника) обещает довести свой рассказ до Александра и Исакия („от начала Рускы земля до сего лета“ — „от Михаила царя до Александра и Исакия“). Идя вслед за М. П. Погодиным,¹ А. А. Шахматов считал в этот период, что под Александром и Исакием следует разуметь двух византийских императоров Алексея и Исакия Ангелов, царствовавших около 1203 г.

Состав и содержание Софийского временника определяется, по мнению А. А. Шахматова, по Никоновской, Тверской, Воскресенской, Софийской I и Новгородской IV летописям. Воскресенская, Софийская I и Новгородская IV — простое сокращение Софийского временника, Тверская и Воскресенская — сокращение, но с прибавлением ряда дополнений и поправок из других памятников. Никоновская летопись, хотя и дополнила Софийский временник из других источников, но точнее и подробнее других передает содержание Софийского временника. Особенное значение для восстановления Софийского временника имеют списки младшего извода (II редакции) Новгородской I летописи.

Древнейшее киевское летописание вошло в состав Софийского временника через посредство Второго Новгородского свода. Резюмируя данные своего исследования, А. А. Шахматов пишет: „...в первой четверти XIII в. составитель 2-го Новгородского свода воспользовался

¹ „Исследования, замечания и лекции о Русской истории“, т. IV, 1850, стр. 72. Взгляд М. П. Погодина был повторен И. И. Срезневским, К. Н. Бестужевым-Рюминым и А. И. Соболевским.

для своего труда какою-то летописью не новгородского происхождения, сходною, но не тождественною с Повестью временных лет: из этой летописи он заимствовал всю часть до 989 года, по ней рассказал о событиях 991—1016 годов и из нее же сделал ряд выписок, начиная с 1047 года, соединив их с новгородскими известиями; заимствования, выписки и вообще всякое влияние этой летописи прекращается описанием смерти преп. Феодосия под 1074 годом¹. Рассмотрев состав этой летописи относительно Повести временных лет, А. А. Шахматов и пришел к выводу, что она представляет собою не сокращение Повести временных лет, а является ее предшественницей, использованной и в Повести временных лет, и во втором Новгородском своде. А. А. Шахматов назвал ее Начальным Киевским сводом и придерживался этого названия и впоследствии, когда им были открыты еще два свода — предшественники Начального². Время составления этого Начального свода относилось А. А. Шахматовым (в 1897 г.) предположительно к последней четверти XI в. (после 1074 г.), а место составления также предположительно — к Киеву.

Доказательство того, что Киевская Начальная летопись, положенная в основание Второго Новгородского свода, представляла собою не простое сокращение Повести временных лет, а отдельную более древнюю летопись, А. А. Шахматов видит в самостоятельной хронологии Начального свода: „хронология Начального свода ясно доказывает самостоятельное пользование составителя его Хроникой Амартола“³. Исследованию хронологии Повести временных лет и Начального свода А. А. Шахматов уделяет в 1897 г. исключительное внимание. Она пространно толкуется им и в работе „О начальном Киевском своде“, и в специальных статьях: „Исходная точка летосчисления Повести временных лет“⁴ и „Хронология древнейших русских летописных сводов“⁵.

В небольшой заметке „Исходная точка летосчисления Повести временных лет“ А. А. Шахматов дал точный анализ хронологической ошибки летописца, в результате которой возникла дата 6360 (852) г. — первая хронологическая веха Повести временных лет: „В лето 6360, индикта 15 (день) наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Русска(я) земля... Тем же отселе почнем и числа положим“. Как заметил еще академик А. А. Куник (в 1864 г.), Михаил вступил на престол не в 6360 г., а в 6350 г. (21 января 842 г.)⁶. А. А. Шахматов показал, что цифра 6360 — результат ошибочных хронологических данных того грече-

¹ Чт. МОИДР, 1897, кн. 3 (182), стр. 37.

² Название свода „Начальным“ А. А. Шахматов сам признал впоследствии малоудачным.

³ „О начальном Киевском своде“. Чт. МОИДР, 1897, кн. 3 (182), стр. 45.

⁴ ЖМНП, 1897, № 3.

⁵ ЖМНП, 1897, № 4.

⁶ См. Muralt, Essai de Chron. Byz., p. 425.

ского списка „Летописца вскоре“ патриарха Никифора, который лег в основание его славянского перевода.

На исследовании отдельных хронологических дат А. А. Шахматов не остановился. В работе „Хронология древнейших русских сводов“ он подверг проверке и исследованию все летописные даты до 945 г. включительно. При этом А. А. Шахматов показал, что в основании Начального свода и Повести временных лет лежат разные хронологические системы, что послужило лишним основанием выделения Начального свода как самостоятельной летописи, более древней, чем Повесть временных лет.¹

Впоследствии взгляды А. А. Шахматова на новгородское летописание коренным образом изменились. В таком измененном виде взгляды А. А. Шахматова на Начальный свод представлены в его „Разысканиях о древнейших русских летописных сводах“, в работе „Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись“² и в „Обозрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.“³ Софийский временник А. А. Шахматов впоследствии считал составленным не в XIII в., а в начале второй четверти XV в. Предисловие Софийского временника А. А. Шахматов относил впоследствии к Начальному своду и в упоминаемых в нем императорах Олексе и Исакии, царствованием которых определяется его составление, видел уже не Алексея и Исакия Ангелов (начало XIII в.), а Алексея I Комнина и его брата Исаакia севастократора, царствовавших в конце XI в. Значительно уточнились обстоятельства составления Начального свода, его политическое содержание, место образования (Киево-Печерский монастырь) и время работы сводчика (1095 г.). Впрочем в последние годы своей жизни А. А. Шахматов отделил вопрос о времени составления предисловия Начального свода от вопроса о том, кто такие были упоминаемые в нем Олекса и Исакий, и вернулся к прежней точке зрения на них как на Алексея и Исакия Ангелов (см. настоящий сборник, стр. 147).

Хотя все частные доказательства существования Начального свода могут быть подвергнуты сомнению и до конца не были раскрыты А. А. Шахматовым, но в целом ему удалось настолько удовлетворительно объяснить особенности начальных статей новгородских летописей и получить настолько удобное основание для дальнейшего восстановления древнейших летописных сводов, что гипотеза эта должна быть

¹ При этом А. А. Шахматов показал, что достоверными в пределах до 945 г. могут быть признаны в летописи лишь следующие года: 907 (договор Олега с греками), 912 (договор Олега с греками), 941 (поход Игоря на греков), 945 (договор Игоря с греками и смерть Игоря).

² ИОРЯС, XIII, 1908, кн. 1.

³ Л., 1938. Статьи этой работы, посвященные Новгородским летописям, относятся к более раннему времени, чем „Разыскания...“, и поэтому несколько отличаются в деталях, в частности, в определении характера и значения свода Германа Вояты.

признана одной из самых удачных и обоснованных. Роль Начального свода во всем построении А. А. Шахматовым истории русского летописания неизменно оставалась центральной. Замечательно, что почти одновременно с исследованием А. А. Шахматова о Начальном своде и независимо от него И. П. Филевич в „Истории древней Руси“ также высказал мысль,¹ что Повесть временных лет — это свод позднейший сравнительно с киевской летописью, сохранившейся в начале младшего извода Новгородской I летописи.

В обширном круге вопросов, поднятых А. А. Шахматовым в статьях 1897 г., следующее по значительности место принадлежит вопросу о редакциях Повести временных лет. Исследование новгородского летописания и, в частности, Софийского временника привело А. А. Шахматова к установлению двух редакций Повести временных лет.

31 января 1897 г., в обычном заседании Общества любителей древней письменности, А. А. Шахматов сделал доклад: „Кем и когда был составлен летописный свод — Повесть временных лет?“ Насколько верно передано содержание в отчете о нем,² судить трудно. Однако кратко изложенные в нем воззрения А. А. Шахматова в некоторых отношениях ближе к его позднейшим работам, чем исследования того же 1897 г. Как бы предугадывая некоторые свои позднейшие выводы, А. А. Шахматов утверждал, что дошедшая до нас редакция Повести временных лет составлена в 1118 г. (впоследствии она была названа им третьей, в работах 1897—1901 гг. она называется им второй) и что ей предшествовала летопись Печерского монастыря, составленная Нестором в 1110 г. Эта последняя была несколько пополнена и изменена игуменом Сильвестром, который заметил, при списывании ее, существенные противоречия с другим памятником — житием Антония Печерского. В такой именно редакции Несторова летопись вошла в свод Повести временных лет.

Наиболее полно взгляды А. А. Шахматова на редакции Повести временных лет изложены им в статье „Древнейшие редакции Повести временных лет“.³ Впоследствии в рецензии на книгу Е. Н. Щепкина „Zur Nestorfrage“⁴ А. А. Шахматов следующим образом изложил свои выводы: „... думаю, — пишет А. А. Шахматов, — что мы в Ипатьевском и Лаврентьевском списке имеем дело с двумя разными редакциями Повести временных лет. Первая редакция принадлежит игумену Сильвестру и составлена в 1116 году: Сильвестр не был летописцем, он был простым сводчиком разнообразного материала исторического содер-

¹ Варшава, 1896, стр. 367.

² Памятники древней письменности, СХХIV, 1897: Отчет о заседаниях Общества любителей древней письменности за 1896/97 г., стр. 23.

³ ЖМНП, 1897, № 10.

⁴ ИОРЯС, III, 1898, кн. 1. Ср. также изложение выводов того времени в статье А. А. Шахматова „Повести или Повесть временных лет“, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXIV, 1898, стр. 16—17.

жания; последний источник, которым он пользовался (Печерская летопись), оканчивался 1110 годом: вот почему в своде игумена Сильвестра за 1110 годом не следовало никаких других известий. Этот свод в скором времени, может быть через год или через два после своего составления, лег в основание копии, ставшей вместе с тем новою редакциею, так как лицо, работавшее над этой копиею, во 1) вносило изменения, поправки и дополнения в переписываемый текст, во 2) давало летопись событий до своего времени, т. е. заполнило свободный промежуток между 1110-м и 1117—1118 годами. Я думаю, что до нас не сохранилось списков первой — Сильвестровской редакции Повести временных лет в их первоначальном виде: все списки этой редакции подверглись влиянию второй редакции. Менее других отразил на себе это влияние Лаврентьевский список, гораздо более Радзивилловский и Академический (где однако сохранилась приписка Сильвестра); еще более список летописца Переяславля Суздальского и Ипатьевский (со сходными) список. Все это — списки первой редакции, отразившие на себе влияние второй редакции. Список второй редакции мы в первоначальном виде не находим: вторая редакция дошла до нас в соединении с Новгородскою летописью; вместе с нею она вошла в состав обширного летописного свода XIII в. („Софийского временника“ — Д. Л.), составившегося в Новгороде; свод этот в наиболее полном виде отразился в Никоновской летописи, сокращенно в летописях Софийских, Новгородской 4-й, Тверской, Воскресенской и других. Если мы, в пределах до 1118 года, выделим из них все то, что восходит к новгородским летописям, а также и то, что несомненно обязано влиянию других источников, мы получим ряд статей, восходящих ко 2-й редакции Повести временных лет¹.

Впоследствии А. А. Шахматов пересмотрел свои взгляды на Повесть временных лет. Изменились и самые взгляды на ее редакции. То, что называлось им первой редакциею, определилось как вторая, вторая оказалась третьей. Выделилась особая, не дошедшая до нас первая редакция Повести, приписанная Нестору и т. д.

8

Уже в рассмотренных выше работах А. А. Шахматова по древнейшему летописанию им была осознана необходимость полного изучения всех списков русских летописей. В работе „О Начальном Киевском летописном своде“ А. А. Шахматов писал, что полное „восстановление этого (Начального — Д. Л.) свода надо ожидать или от новых открытий в наших летописных сборниках, или от критического изучения Повести вр. лет, сравнительно с материалом, извлекаемым из Новгородской летописи“². В этом заявлении А. А. Шахматова наметились те два

¹ ИОРЯС, III, 1898, кн. 1, стр. 129—130.

² Чт. МОИДР, 1897, кн. 3 (182), стр. 56—57.

пути, по которым он пошел в ближайшие годы: с одной стороны изучение истории и состава позднейших летописных сводов, а с другой — критическое изучение текста Повести временных лет. Для этой последней задачи нашелся материал не только в новгородских летописях. Этот материал, правда в более узких масштабах, мог дать Киево-печерский патерик.

В статье „Киево-печерский патерик и Печерская летопись“¹ А. А. Шахматов пришел к выводу, что редактору Повести временных лет была известна Печерская летопись, — летопись событий, относящихся к Печерской обители. При этом А. А. Шахматов высказал предположение, что некоторые из входивших в печерскую летопись статей принадлежали перу Нестора, а другие — составителю печерской летописи. Несторовыми А. А. Шахматов признавал сказание о начале Печерского монастыря, повесть об обретении мощей Феодосия, рассказ о проречении его и о погребении жены Яна Вышатича, краткую похвалу Феодосию. Имея в виду, что сказание о начале Печерского монастыря находится в непримиримом противоречии с Житием Феодосия, А. А. Шахматов предположил, что это сказание внесено в Печерскую летопись не в первоначальном его виде, а в переделке, которой оно подвергалось редактором этой летописи, пожелавшим соединить в этом сказании рассказ Нестора с другим своим источником — Житием Антония. Итак, заключал А. А. Шахматов, редактор и составитель Печерской летописи, сложившейся до 1110 г. (после этого года она входит в состав Повести временных лет), пользовался двумя источниками, которые можно определить как Несторовы сказания и Житие Антония.

Таким образом, в этой работе А. А. Шахматова устанавливаются новые источники для суждения о сводах, предшествовавших Повести временных лет. Впоследствии А. А. Шахматов сделал смелую попытку восстановить состав и тенденции Жития Антония; он признал составителем „Печерской летописи“ 1110 г. самого Нестора и определил этот свод Печерской летописи как первую Несторову редакцию повести временных лет.

Существенный шаг вперед представляла собой статья „Киево-печерский патерик и Печерская летопись“ и в методологическом отношении. Анализ Печерского патерика привел А. А. Шахматова к изучению истории взаимоотношений князя Изяслава Мстиславича с Киево-печерским монастырем, что позволило объяснить историю текста в связи с политическими идеями своего времени. Именно в этой своей работе А. А. Шахматов впервые стал на путь исторического анализа летописи, так блестяще развернутого им впоследствии. История летописания в предшествующих исследованиях А. А. Шахматова еще не была конкретизирована историческими данными, не рассматривалась как отраже-

¹ ИОРЯС, II, 1897, кн. 3, стр. 820—844.

ние политической борьбы своего времени. Это была история текста по преимуществу. Отныне же содержание летописных сводов и их политические тенденции все более и более привлекают к себе внимание А. А. Шахматова.

Вторая задача, намеченная А. А. Шахматовым при исследовании Повести временных лет, — изучение состава позднейших летописных сводов, определилась в работах 1899—1901 гг., посвященных, с одной стороны, хронографам, а с другой — общерусским летописным сводам XIV—XV вв. Уже в своих работах, посвященных Начальному своду и редакциям Повести временных лет, А. А. Шахматов широко привлекает материал позднейших летописей, однако привлечение это совершалось им методологически неправильно, поскольку история позднейшего летописания и отдельных списков не была еще достаточно изучена. Именно поэтому, может быть, работа А. А. Шахматова по изучению древнейших редакций Повести временных лет осталась без обещанного продолжения,¹ и А. А. Шахматов целиком ушел в исследование московского летописания XIV—XVI вв.

Если в области изучения Повести временных лет А. А. Шахматов имел весьма опытных предшественников (как например, И. И. Срезневский, К. Н. Бестужев-Рюмин, М. И. Сухомлинов и мн. др.), то при изучении позднейших летописных сводов, истории русского летописания XIV—XVI вв. А. А. Шахматову пришлось войти в область нетронутого материала. Позднейшие русские летописи не были изучены как своды. Сложный, переплетающийся материал московских сводов, казалось, не поддавался разъяснению. Даже превосходная работа А. Н. Попова о хронографах² не раскрывала взаимоотношений отдельных редакций и списков. Тем поразительнее успех, одержанный А. А. Шахматовым в распутывании сложной сети позднейшего летописания.

В 1899 г., вышел ряд статей А. А. Шахматова, посвященных исследованию состава и редакций русских хронографов.³ На основании того, что главные источники Хронографа имелись на Руси в русских или сербских списках (Еллинский летописец второй редакции, протограф рукописи Московской духовной Академии № 230 и протограф списка Новгородской Софийской библиотеки № 1497), и на основании данных языка, изобилующего сербизмами не только в статьях, посвященных мировой истории, но и в русских по своему происхождению, — А. А. Шах-

¹ Имеем в виду незаконченную статью „Древнейшие редакции Повести временных лет“. ЖМНП, 1897, № 10.

² А. Н. Попов. „Обзор хронографов русской редакции“, вып. I, М., 1866; вып. II, М., 1869.

³ „Путешествие М. Г. Мисюря Мулекина на Восток и Хронограф редакции 1512 г.“, ИОРЯС, IV, 1899, кн. I; „Пахомий Логофет и Хронограф“, ЖМНП, 1899, № 1; „К вопросу о происхождении Хронографа“, Сб. ИОРЯС, XVI, 1899, № 8; ср. также главу VIII „Обозрения русских летописных сводов XIV—XV вв.“, Л., 1938 г.

матов пришел к выводу, что Хронограф составлен не в Сербии или в Болгарии, как предполагали раньше, а в России, но писателем сербом. Установив дату составления Хронографа (1442 г.) и сопоставив ряд исторических данных, А. А. Шахматов пришел к выводу, что Хронограф в своей первоначальной редакции был составлен Пахомием Сербом (Логофетом). Дальнейшие редакции Хронографа относятся к 1491, 1496, 1508 гг.; последняя редакция (1508 г.) была продолжена в 1520 г. В 1512 г. Хронограф Пахомия Логофета был переработан в псковском Елеазаровом монастыре известным старцем Филофеем. Редакция 1520 г. легла в основание редакции 1533 г., поздняя переделка которой — Русский временник. Редакция 1520 г. восстанавливается на основании Никоновской, Хронографа редакции 1599 г., Русского временника и Хронографа в Толстовском списке и сходных. Блестящий анализ редакций Хронографа был положен впоследствии А. А. Шахматовым в основу издания Хронографа (в „редакции 1512 г.“ и в западно-русской редакции) в Полном собрании русских летописей.

В 1900—1901 гг. А. А. Шахматов опубликовал обширное исследование „Общерусские летописные своды XIV и XV вв.“.¹ Это исследование имеет исключительное значение не только по своим выводам, позволившим внести ясность в обширное позднее русское летописание, но также и по своему методу: как мы уже указывали выше, в этой работе А. А. Шахматов впервые прочно стал на почву историко-критического изучения летописания.

На основании тщательного и подробного сравнительного изучения поздних Московских летописных сводов — открытой им Симеоновской, Новгородской IV, Софийских, Воскресенской, Львовской, летописи Аврамки, Тверского сборника, Хронографа и др., А. А. Шахматов установил существование легшего в их основу обширного летописного свода 1423 г., так называемого „Владимирского Полихрона“ или „Летописца Великого Русского“.

Изучение состава этого свода привело А. А. Шахматова к заключению, что он носил общерусский характер. В него входили летописные известия Москвы, Ростова, Рязани, Твери, Нижнего, Смоленска, Новгорода и т. д. Как показал А. А. Шахматов, „Владимирский Полихрон“ пытался поставить в связь русскую и всемирную историю. Он имел в своем начале обширную хронографическую компиляцию, составленную по Еллинскому летописцу, хронике Малалы и др. Об этом свидетельствуют выдержки из статей такого характера почти во всех летописных сводах, которые имели своим источником Владимирский Полихрон. В тот же свод был включен ряд грамот, посланий и статей справочного характера: родословие великих князей, таблица „кто колько лет княжил“, список новгородских князей, список митрополитов, список

¹ ЖМНП, 1900, № 9 и 11; 1901, № 11.

новгородских владык и др. Полихрон включил в свой состав ряд литературных произведений: сказание „О побоище на Дону“, Повесть о нашествии Тохтамыша, Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, Повесть об избавлении Москвы от Темир-Аксака, Повесть о нашествии Едигея и ряд других. Кроме того, во „Владимирском Полихроне“ отразились произведения народной поэзии: былины и исторические песни.

Особое значение в работе А. А. Шахматова, „Общерусские летописные своды XIV и XV вв.“ имел блестящий анализ политической обстановки XIV—XV вв., показавший, что составление свода, с таким размахом общерусских сведений и такою независимостью по отношению к московской великокняжеской власти, могло быть делом только митрополита всея Руси, которому одному было под силу собрать летописи из различных городов и который ясно сознавал единство русской митрополии. Анализ политической позиции Фотия по отношению к Литве и выяснение отражения этой позиции в своде позволили А. А. Шахматову отнести составление „Владимирского Полихрона“ к митрополичьей канцелярии Фотия.

Свод 1423 г. явился результатом переработки и дополнения других общерусских сводов, также осуществлявшихся при дворе общерусских митрополитов. Митрополиты требовали присылки к себе местных летописей, составлявшихся в различных городах митрополии „всея Руси“, и митрополичьи летописцы соединяли их в обширные общерусские своды. Вопрос о характере московского летописания XIV в. имеет для А. А. Шахматова особенный, общеисторический интерес: характер московских летописей „как будто опережает события и свидетельствует об общерусских интересах, об единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей“.¹

Из митрополичьих сводов XIV в. А. А. Шахматов особо выделяет два свода, составленные, по его мнению, при митрополите Киприане и раньше, при митрополите Петре.

Лаврентьевская летопись, доведенная до 1305 г., является по мнению А. А. Шахматова отражением одного из первых митрополичьих сводов начала XIV в. Вопрос об этом общерусском митрополичьем своде не был до конца обследован А. А. Шахматовым, и впоследствии существование его было оспорено М. Д. Приселковым,² отчетливо доказавшим иное происхождение известий Лаврентьевской летописи, возводимых А. А. Шахматовым к первому общерусскому митрополичьему своду самого начала XIV в.

Изучая состав московских летописных сводов XV—XVI вв.,

¹ ЖМНП, 1900, № 9, стр. 91.

² М. Д. Приселков, „Лаврентьевская летопись“. Ученые записки Лен. гос. университета, № 32, Серия исторических наук, вып. 2, 1939 г., стр. 127.

А. А. Шахматов пришел к выводу о существовании ряда других, более поздних, чем Владимирский Полихрон сводов. В частности, исключительно важное значение имело открытие А. А. Шахматовым Новгородско-софийского свода 1448 г.,¹ легшего в основу той обширной семьи летописных списков, которая обычно называется Новгородской IV летописью, а также той семьи списков, которая составляет Софийскую I летопись. „Свод 1448 г.“, как установил А. А. Шахматов, является обработкой Владимирского Полихрона Фотия по ростовской владычной летописи епископа Григория и Новгородскому Софийскому временнику. Благодаря открытию „Свода 1448 г.“ распутывалось происхождение летописей, представлявших собою основной исторический источник по русской истории XIV—XV вв.

В связи с работой А. А. Шахматова над поздним московским летописанием стоит и его исследование „Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в.“.² В работе „Общерусские летописные своды XIV и XV вв.“ А. А. Шахматов доказал важность показаний Симеоновской летописи. Впервые введенная А. А. Шахматовым в научный оборот Симеоновская летопись при сличении со сгоревшей в Московском пожаре вместе с библиотекой Общества истории и древностей при Московском университете Троицкой летописью (свод 1408 г.) оказалась почти сходной с ней на пространстве 1177—1390 гг., кроме отрывков от 1235 по 1237, от 1239 по 1247 и от 1361 по 1364 г., в которых идет текст не Троицкой, а Московского свода 1480 г., составляющего главный источник Симеоновской после 1410 г.: „весь летописный рассказ 1305—1390 гг. Симеоновской летописи, — пишет А. А. Шахматов, — за исключением лишь нескольких мест, восходящих к Московскому своду 1480 г., почти тождествен с соответствующим рассказом Троицкой летописи“.³ Благодаря такой близости текста Симеоновской к сохранившимся остаткам текста Троицкой летописи в примечаниях Н. М. Карамзина к Истории Государства Российского, удалось составить точное представление и об остальном тексте Троицкой летописи, исключительная важность которой была ясна уже Н. М. Карамзину.

К 1901 г. относится и другое частное исследование А. А. Шахматова позднего летописания: „О Супрасльском списке западно-русской летописи“,⁴ имевшее существенное значение для выяснения генеалогии белорусских⁵ летописей.

¹ Впоследствии, впрочем, А. А. Шахматов под влиянием письма к нему А. В. Маркова отказался от датировки Новгородско-софийского свода точно 1448 годом. В таком, точно не датированном виде, Новгородско-софийский свод второй четверти XV в. упоминается А. А. Шахматовым в статье „Летописи“ в т. XXV „Нового энциклопедического словаря“ Брокгауза и Ефрона.

² ИОРЯС, V, 1900, кн. 2, стр. 451—453.

³ Там же, стр. 553.

⁴ Летопись занятий Археографической комиссии, т. XIII, 1901.

⁵ В терминологии Шахматова — „западно-русских“.

В 1903—1904 гг. появилось исследование А. А. Шахматова „Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод“;¹ в 1904 г. — „Иосафовская летопись“² и „О так называемой Ростовской летописи“,³ внесшие много новых данных в историю русского летописания второй половины XV в. Особенный интерес представляет „Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи“,⁴ впервые отчетливо раскрывшее летописание ростово-суздальской области за XII—начало XIII вв. „Исследование о Радзивилловской летописи“ распутало происхождение не только самого Радзивилловского списка, но и ряда других, в частности, изданного М. Оболенским (М., 1851 г.) Летописца Переяславля Суздальского, Московского академического списка, сходного с Радзивилловской, и отчасти Лаврентьевской летописи, установив ряд сводов владимирского летописания и летописания Переяславля Суздальского, переработкой свода 1214 г. которого по Лаврентьевской летописи и явился Радзивилловский список.

Исследования Супрасльского списка, Ермолинской летописи, Симеоновской летописи явились как бы подготовительным материалом для предпринятого А. А. Шахматовым издания этих летописей, а исследования Радзивилловской летописи и Ростовской сами по себе были предпосланы изданию их текста.

В начале 1904 г. А. А. Шахматов был избран в Археографической комиссии председателем редакционной комиссии по изданию летописей и памятников литературы. В 1905 г. он представил Археографической комиссии правила для издания летописных текстов и памятников литературы, и с этих пор по его инициативе и под его редакцией стали выходить одни за другими новые издания и переиздания летописей.

Наряду с занятием московским летописанием не прекращается интерес А. А. Шахматова к древнейшему летописанию Киева. В 1900 г. вышла его небольшая статья „Начальный Киевский свод и его источники“.⁵ В этой работе А. А. Шахматов уже различает в составе Начального свода две редакции: одну, легшую в основание Повести временных лет, и другую более древнюю. Эта древняя редакция была лишена хронологической канвы, представляя собой сплошное (неразделенное) повествование. В этом различении двух, последовательно сменивших друг друга редакций Начального свода не далеко уже до последующих утверждений А. А. Шахматова, что Начальному своду предшествовали еще более древние летописные своды.

¹ ИОРЯС, VIII, 1903, кн. 4; 1904 г., т. IX, кн. 1.

² ЖМНП, ч. CCCL, 1904, № 5.

³ Чт. МОИДР, 1904, кн. I (203).

⁴ Напечатано в II томе издания Радзивилловской или Кенигсбергской летописи (Памятники древней письменности, 1902).

⁵ „Юбилейный сборник в честь Вс. Ф. Миллера“ под ред. Н. А. Янчука, М., 1900, стр. 1—9.

Сам А. А. Шахматов так излагает результаты своего нового исследования: „Еллинский летописец, возникший в Болгарии и представлявший своеобразную энциклопедию исторических знаний, стал известен в России уже в XI в. В том же веке уже существовало на Руси своеобразное изложение библейских событий, изложение, отразившееся в известной речи философа к Владимиру. В XI веке возник Начальный свод, который в первой своей редакции из греческих переводных источников пользовался только что указанным памятником. Вскоре после появления Начального свода возникла сокращенная редакция Еллинского летописца, где главное место отводилось библейским книгам (протограф списков Ундольск. № 1 и Троицк. № 728); составитель этой редакции прибавил в конце своего труда два рассказа о русских событиях, извлеки их из первой редакции Начального свода. Сокращенная редакция Еллинского летописца вызвала пересмотр Начального свода: во вторую редакцию его внесены из Еллинского летописца рассказы о столпотворении Вавилонском и о несчастных походах Руссов; в связи с этим установлена хронология древнейших русских событий, передававшихся в первой редакции Начального свода вне хронологической сети“.¹

Чрезвычайно любопытно, что тогда как изучение позднейших летописных сводов прочно стало уже в это время у А. А. Шахматова на общеисторическую почву, изучение древнейшего летописания все еще оставалось узко текстологическим. Лишь несколько лет спустя и под влиянием результатов своего исследования поздних летописей А. А. Шахматов обращается к изучению древнейшего летописания как исторического явления и дает поразительное по глубине исследование Повести временных лет, явившееся, по существу, своеобразной историей Киевской Руси.

9

К 1904—1908 г. относится ряд широко задуманных частных исследований А. А. Шахматова, разработавших отдельные вопросы истории литературы, необходимые для восстановления древнейшего киевского летописания. Эти исследования захватывают чрезвычайно разнообразный материал, ставят его в связь с древнейшим летописанием и, таким образом, готовят широкий фундамент для его „Разысканий о древнейших русских летописных сводах“, над которыми он начинает усиленно работать в конце этого периода. Это была своеобразная „облава“ на материал, в которой А. А. Шахматову удалось получить значительные данные для древнейшего летописания.

В 1904 г. вышла работа А. А. Шахматова „Сказание о призвании варягов“,² в которой он установил путем критического изучения списков

¹ „Юбилейный сборник в честь Вс. Ф. Миллера“ под ред. Н. А. Янчука, М., 1900, стр. 8—9.

² ИОРЯС, IX, 1904, кн. 4.

Повести временных лет, а также начальной части Новгородской I младшего извода и Новгородской IV летописей первоначальные версии о призвании варягов. Как установил А. А. Шахматов, первую версию сказания дает Начальный киевский свод, восстанавливаемый на основании младшего извода Новгородской I летописи, вторую—вторая редакция Повести временных лет, третью—третья редакция Повести временных лет. Сравнительное изучение этих версий позволило А. А. Шахматову дать новое освещение варяжского вопроса.

В том же 1904 г. вышло исследование А. А. Шахматова „Толковая Палея и летопись“,¹ рассматривавшая вопрос о происхождении „Толковой Палеи на иудея“. Расходясь с прежними исследователями Толковой Палеи (В. Успенским, Н. С. Тихонравовым, А. В. Михайловым, В. М. Истриным), А. А. Шахматов считает, что древняя редакция Палеи была составлена в XI в. Мефодием, учителем словенским, на основании прений, которые вел с евреями и сарацинами брат Мефодия — Кирилл. Эта редакция не сохранилась. Не сохранилась и следующая редакция Палеи — „хронографическая“, которой в XI в. пользовался Начальный свод. Сохранившаяся Толковая Палея представляет собою соединение русской обработки первоначальной редакции Толковой Палеи и болгарской „Хронографической“.

Особый интерес представляют исследования А. А. Шахматова, посвященные анализу летописного повествования о крещении Владимира. Как утверждает А. А. Шахматов, в основе его лежат два взаимно противоречивых источника: рассказ о крещении Владимира в Киеве и рассказ о крещении его в Корсуне. Определению источника рассказа о крещении Владимира в Киеве посвящена статья А. А. Шахматова „Один из источников летописного сказания о крещении Владимира“.² А. А. Шахматов сближает русское сказание с предполагаемым сказанием о крещении болгарского царя Бориса. По мысли А. А. Шахматова русское сказание является только переделкой болгарского с заменой имени Бориса именем Владимира.

Исследованию сказания о крещении Владимира в Корсуне посвящена другая работа А. А. Шахматова — „Корсунская легенда о крещении Владимира“.³ А. А. Шахматов приходит к заключению, что первоначальный вид этого сказания значительно изменен при включении его в летопись. Повидимому, он был составлен каким-нибудь корсунянином, проживавшим в Киеве в конце XI в. Сопоставляя и изучая летописный текст сказания, включенный в Повесть временных лет (в том числе рассматривая поздние летописные своды, например, Летописец Переяславля Суздальского, Хронограф, Ермолинскую летопись, Софийскую I,

¹ „Статьи по славяноведению“, т. I, 1904.

² Сборник статей по славяноведению, посвященных проф. М. С. Дринову, Харьков, 1904.

³ Сборник статей в честь В. И. Ламанского, ч. II, СПб., 1906.

Новгородскую IV, Воскресенскую, Никоновскую и др.), различные виды жития Владимира, списки церковного устава Владимира, А. А. Шахматов пытается восстановить его первоначальный вид.

Ряд исследований А. А. Шахматова, посвященных частным вопросам, связанным с древнейшим русским летописанием, тянется вплоть до самого выхода его крупнейшей работы: „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“.¹ Еще в 1908 г. выходит его статья „Сказание о предложении книг на словенский язык“, ² в которой он восстанавливает состав этого сказания, включенного в Повесть временных лет. В первой части Сказания рассказывалось о расселении славян. Эту часть можно восстановить по вводным статьям к Повести временных лет и по летописной статье 6406 г. Главная часть Сказания (вторая) содержала самый рассказ о предложении книг на славянский язык. Она начиналась словами: „Словенам живущим крещеным и князьям их, Ростислав и Святополк и Къзцы посылаша к царю Михайлу, глаголюще“, а заканчивалась рассуждением о том, что первоначальным учителем славян был апостол Павел. Третья часть рассказывала о нашествии угров, их крещении, отпадении их от веры и об изгнании словенского обряда из Моравии, Чехии и Польши. Внося Сказание в летопись под 6406 г., летописец сделал ряд изменений, дал редакционные поправки и отступления.

К 1908 г. относится также попытка определения в основе летописных рассказов 975 и 977 гг. исторической песни об Олеге Святославиче и Мстише Свенельдиче, сближенных им с былиною о встрече Вольги Святославича с Микулою Селяниновичем (статья „Мстислав Лютый в русской поэзии“).³

Впрочем, уже в „Разысканиях“ А. А. Шахматов отказался от сближения Мстиши Свенельдича с Микулою Селяниновичем, предложив другое сближение с Никитой Залешанином (по родству с Добрыней).

Особое значение имеет работа 1908 г. „Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись“; она важна и по своему методу, вполне определившемуся, как метод историко-критических наблюдений, и по своему содержанию, — впервые указавшему время, обстоятельства и политические тенденции составления Начального свода. А. А. Шахматов доказывает, что предисловие Софийского временника есть предисловие Начального свода, вместе с ним перенесенное впоследствии в новгородское летописание. Сравнитель-

¹ СПб., 1908.

² Jagić's Festschrift. Zbornik u slavu V. Jagića, Berlin, 1908.

³ Сборник Харьковского историко-филологического общества, изд. в честь проф. Н. Ф. Сумцова, 1908, т. XVIII.

ный анализ содержания предисловия и Начального свода позволил установить время их создания — 1095 г., и установить окончание Начального свода на 1093 г. (на словах „Се бо аз грешный и много и часто бога прогневаю и часто согрешаю по вся дни“). Чрезвычайно интересен исторический анализ обстоятельств, связанных с созданием Начального свода, ярко осветивший политическое содержание и свода, и его предисловия. По убедительности общей картины создания Предисловия, по яркости исторических доказательств и остроумию текстовых объяснений статья эта — одна из самых блестящих у А. А. Шахматова.

В 1908 г. вышел обширный (около 40 печатных листов) труд А. А. Шахматова „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“, посвященный пересмотру и подведению итогов его разнообразных работ по древнейшему летописанию за время от 1901 по 1908 г. По своему характеру „Разыскания“ представляют собою ряд исследований, объединенных единой задачей: восстановить текст древнейших летописных сводов, предшествовавших Начальному Киевскому своду, т. е., как это впервые определено А. А. Шахматовым в „Разысканиях“, с одной стороны, Древнейшего Киевского свода 1039 г. и продолжения к этому своду, составленного в 1073 г., а, с другой стороны, Древнего Новгородского свода 1050 г. с продолжением к этому своду, доведенным до 1079 г.

Разнообразие материала, привлеченного в этом труде А. А. Шахматовым для решения вопросов древнейшего летописания, исключительно велико. Помимо исследования данных всех многочисленных списков Повести временных лет, А. А. Шахматов опирается на показания Памяти и похвалы Владимиру мниха Иакова, сказаний о Борисе и Глебе (Несторово чтение о Борисе и Глебе, службы им же, данные Паримийника и др.), жития княгини Ольги, князя Владимира, поучения Феодосия Печерского, *Historia polonica* Длугоша, Синописиса, произведений Илариона, Киево-Печерского патерика, русского былевого эпоса, византийских писателей (Константина Багрянородного, Льва Диакона, Скилица, Кедрена, Малалы, Амартола), Плигинского сборника, отдельных статей Пролога, Русской Правды, Толковой Палей и т. д. и т. п.

А. А. Шахматов тщательно изучает собранные им исторические данные, анализирует их происхождение в каждом из памятников, причем порой этот анализ перерастает в глубокое исследование самих памятников, выясняет отношение этих памятников к летописи, возможность заимствования отдельных данных из древнейших сводов и затем шаг за шагом мозаически восполняет текст каждого из утраченных сводов киевского летописания XI и начала XII вв. Иногда, для того чтобы доказать возможность заимствования из летописи или летописью отрывков того или иного произведения, А. А. Шахматов не только восстанавливает историю памятника, но и его утраченный или измененный текст и реконструирует произведения.

Хотя результаты многих из исследований А. А. Шахматова, включенных в состав „Разысканий“, стали достоянием науки еще до 1908 г. и были опубликованы им в различных статьях 1901—1908 гг., однако в „Разысканиях“ А. А. Шахматов впервые свел в единую и стройную систему свои наблюдения, связанные с текстом Повести временных лет, дав широкую и развернутую историю древнейшего русского летописания. Сам А. А. Шахматов так излагает итоги своего исследования древнейших летописных сводов.

„Изучение Повести временных лет по многочисленным спискам ее привело автора к восстановлению двух редакций ее, не дошедших до нас в первоначальном своем виде: первая, Сильвестровская редакция, составленная в 1116 году, представлена лучше всего Лаврентьевским списком; вторая редакция 1118 года обнаруживается в наибольшей полноте в Ипатьевском списке и позднейших новгородских сводах. Сравнительное изучение обеих этих редакций приводит к восстановлению первоначального вида основной редакции, доведенной до смерти Святополка и составленной, как можно думать, Нестором.

Анализ Повести временных лет привел автора к извлечению из ее состава более древнего летописного свода, названного (не вполне удачно) Начальным Киевским сводом; существование такого свода подтверждается теми отрывками его, которые, правда, в позднейшей редакции, сохранились в списках Новгородской 1-й летописи. Начальный свод, по некоторым данным, был составлен в Киево-печерском монастыре в 1095 году, он был доведен до 1093 года. Исследование Начального свода привело автора к представлению о более древнем своде, доведенном до 1073 года и составленном около того же времени в Киево-печерском монастыре. Дальнейший анализ обнаружил, что Начальный свод представлял соединение Киево-печерского свода 1073 года с древним Новгородским сводом, доведенным до семидесятых годов XI столетия и восстанавливаемым по данным как Начального свода, так и позднейших новгородских сводов.

Исследование Киево-печерского свода 1073 года привело автора к восстановлению свода, составленного в 1039 году при Киевском Софийском соборе: это был первый Киевский летописный свод; его можно назвать Древнейшим сводом. Исследование древнего Новгородского свода, доведенного до семидесятых годов XI столетия, указало автору на то, что ему предшествовал более древний Новгородский свод, составленный при Софийском владычном дворе в 1050 году¹.

Хотя история Киевского летописания была впервые развернута А. А. Шахматовым во всех деталях и на протяжении всего времени, до 1119 года включительно, однако, в „Разысканиях“ не вошли специальные исследования, посвященные редакциям Повести временных лет. Не вошло также в „Разысканиях“ и полное детальное исследование

¹ „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“, СПб. 1908, стр. IV—V.

Начального Киевского свода 1095 г. Отношения Начального свода к Повести временных лет и к предшествующему летописанию намечены А. А. Шахматовым лишь в общих чертах. Это тем более огорчительно, что предшествующие статьи А. А. Шахматова, относящиеся к Начальному своду, по собственным словам А. А. Шахматова, „не представляют единства, писаны в разное время и отчасти не согласованы между собой“.¹ Специальное исследование о Начальном своде должно было войти в состав II тома „Повести временных лет“, но из состава его, который был издан после смерти А. А. Шахматова в „Трудах отдела древней русской литературы“, оказалась выполненной лишь часть, посвященная исследованию источников „Повести“. В последние годы своей жизни А. А. Шахматов предпринял специальное исследование о Начальном своде, не успев его закончить. Оно заново пересматривает ряд вопросов и Начального свода и новгородского летописания (публикацию этого исследования о Начальном своде см. в настоящем сборнике).

А. А. Шахматов не ограничился в „Разысканиях“ при анализе столь разнообразного материала только текстологическими наблюдениями, хотя остротой чисто текстологического анализа „Разыскания“ превосходят многие из его предшествующих работ. А. А. Шахматов дал блестящий анализ исторической достоверности различных летописных и внелетописных сведений, дал исключительно тонкую характеристику политических идей, отразившихся в летописных сводах, бросил новый свет на всю русскую историю IX и начала XII в. Так, например, глава XIV „Разысканий“ „Мистиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича“, дала новый, чрезвычайно ценный материал для суждения о дофеодальных междукняжеских отношениях Киевской Руси. Глава V „Летописное сказание о Владимире и его крещении“ по новому осветила вопрос о крещении Владимира и т. д.

Каждый из определенных А. А. Шахматовым древнейших сводов получил яркую характеристику в свете политической борьбы своего времени, причем эта политическая борьба всегда имеет у него свежую и оригинальную трактовку. Состав и тенденции Древнейшего свода 1039 г. определялись, как это раскрыто А. А. Шахматовым, политическими идеями борьбы за национальную русскую церковь. Свод 1039 г., возникший по инициативе митрополичьей кафедры, основанной в Киеве в 1038 г., пропагандировал идею превосходства христианской Руси над языческой и прославлял деятельность Ярослава.

В печерских сводах 1073 и 1095 гг. отразилось политическое направление Киево-печерского монастыря, оппозиционного по отношению к княжеской власти.

В своде 1073 г. А. А. Шахматов показывает отражение политических убеждений Никона Великого, дважды бежавшего в Тмутарокань

¹ „Разыскания о древнейших русских летописных сводах“, СПб., 1908, стр. VIII.

от княжеского гнева. А. А. Шахматов вскрывает центральную идею свода 1073 г.: идею единства княжеского рода на основе старейшинства киевского князя среди братьев русских князей.

В своде 1095 г. А. А. Шахматов вскрывает резкую критику социальной политики князей; показывает и внутреннюю подоплеку этой критики: вражду игумена Киево-печерского монастыря Иоанна с князем Святополком Изяславичем. А. А. Шахматов анализирует политическую работу составителя Начального свода 1095 г., стремившегося согласовать противоречивые новгородские и киевские известия, разногласия в сведениях о крещении Владимира, о начале христианства на Руси, об организации церковной иерархии и др.

Таким образом, история текста Повести временных лет сопровождается у А. А. Шахматова глубоким историческим анализом, вскрывающим причины тех или иных изменений в летописи, рост политического самосознания летописцев.

В каждой главе „Разысканий“ А. А. Шахматов блестяще показывает, как при внешней механичности в приемах работы летописец проявляет сознательный и намеренный выбор фактов и их освещение.

Характеризуя общее значение „Разысканий“, М. Д. Приселков писал: „«Разыскания» свидетельствовали, что автор считал подготовительную работу по изучению всех списков русских летописных сводов в их взаимоотношениях уже в достаточной мере для поставленной задачи изучения Повести вр. лет выполненною и переходил к конечным моментам работы: перед читателем раскрывались все пути русского летописания от самого момента его зарождения до вступления на сцену преп. Нестора летописца...“¹

Такой же подытоживающий, обобщающий характер носили и другие работы А. А. Шахматова, вышедшие после 1908 г. Для А. А. Шахматова наступила пора подвести итоги всем частным исследованиям летописания, сложить их в единую общую картину истории русского летописания.

В 1915 г. А. А. Шахматов опубликовал в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона чрезвычайно важную подытоживающую статью „Русское летописание“, а в 1916 г. выпустил первый том „Повести временных лет“, законченный, впрочем, еще в начале 1914 г., как это явствовало из его заявления 11 марта 1914 г., сделанного в заседании Археографической комиссии.

В томе I „Повести временных лет“ А. А. Шахматов дал сводный текст „Повести“. К выполнению реконструкции „Повести“ А. А. Шахматов подошел с исключительной осторожностью, стремясь к максимальной достоверности текста. При этом А. А. Шахматов признал текстуальное восстановление первой недошедшей редакции Повести временных лет или отдельно второй (Сильвестровской) и третьей (Киево-печерской)

¹ ИОРЯС, XXV, 1920, Пг., 1922 г., стр. 132.

редакции невыполнимым. Поэтому текст Повести временных лет дан одновременно в обеих последних редакциях. Распределение текста между обеими редакциями сделано условно и неполностью: статьи, читавшиеся только в третьей (последней) редакции, показаны в печати с отступлением вправо, но несомненно существовавшие исправления в тексте третьей редакции сравнительно со второй в издании не показаны, так как задача эта не могла быть решена с полной достоверностью.

Так же точно ограничил себя А. А. Шахматов и в восстановлении древней орфографии XII в.; им проведено лишь самое необходимое: восстановлено в тексте правильное употребление редуцированных гласных — ѣ и ѳ.

На полях текста А. А. Шахматов отметил источника текста Повести временных лет. Но из реконструируемых самим А. А. Шахматовым древнейших предшествующих Повести временных лет сводов указан только один — Начальный: весь текст, предположительно восходящий к нему, набран в издании особым шрифтом.

Изданию А. А. Шахматов предпослал исследование, подытоживающее, а кое в чем и уточняющее взгляды его на редакции „Повести“.

К сожалению, обещанный А. А. Шахматовым второй том „Повести временных лет“¹ не увидел света в полном виде. После смерти А. А. Шахматова при разборке бумаг в его кабинете в найденной рукописи второго тома оказалась лишь часть задуманного им исследования, посвященная выяснению литературных источников „Повести“ и впоследствии изданная в IV томе „Трудов Отдела древней русской литературы Института Литературы АН“.²

Необходимо отметить, что чисто текстологическое изучение летописных списков всегда было основой обобщающих работ А. А. Шахматова по летописанию. Историко-критическому изучению памятника летописания всегда предшествовало у него точное восстановление истории самого текста. Поэтому, с годами все более и более придавая значение историческому анализу летописания, А. А. Шахматов отнюдь не ослаблял своей работы текстолога. Это особенно ясно из его черновой работы, посмертно изданной в 1938 г. под названием „Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв.“.

„Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв.“ представляет собою работу справочного характера, где Шахматовым даны материалы по истории текста важнейших русских летописных сводов, сохранившихся в копиях или оригинальных списках. Утраченные памятники летописания, восстанавливаемые сравнительным изучением, в этой работе

¹ В предисловии к первому тому „Повести временных лет“ А. А. Шахматов указывал: „II том этого труда (в рукописи почти уже окончанный) будет посвящен исследованию источников Повести временных лет и характеристике редакционной работы ее составителей“ (стр. V).

² Л., 1940.

опущены за исключением одного, — „Свода 1448 г.“ (глава X). Отсутствуют только характеристики Никоновской летописи, Тверского сборника, Воскресенской, Софийской II, Львовской, Псковских летописей и некоторых других. Материал многих из глав-исследований „Обозрения“ не был опубликован А. А. Шахматовым при жизни. Только материал части глав вошел в его отдельные исследования. Так впервые увидели свет в издании 1938 г. характеристики, данные им в „Обозрении“ Тихоновской редакции Ростовского владычного свода (Типографская и Толстовская I № 191 летописи), Западнорусскому сборнику епископа Павла, Рогожскому летописцу XV в., Сказанию летом вкратце при сочинениях Игнатия Смольнянина и извлечению из свода 1448 г., Никаноровской и сходным с ним летописям (Великопермской, Кирилло-Белозерской № 251 и Синодальной № 485) и некоторым другим.

„Обозрение“ было начато А. А. Шахматовым в самом начале его изучения летописей. Он расширял и пополнял его всю жизнь, внося поправки и целые новые главы. А. А. Шахматов обращался к текстологическому материалу глав „Обозрения“, как к своего рода справочнику. Каждый раз, приступая к большому обобщающему труду по истории русского летописания, А. А. Шахматов подвергал некоторому пересмотру и дополнениям рукопись „Обозрения“. Так было при написании „Общерусских летописных сводов XIV и XV вв.“ в 1900—1901 гг., так было в 1907—1908 гг., в связи с работой над „Разысканиями“, так было, наконец, в 1914—1915 гг., в связи с выпуском I тома „Повести временных лет“, хотя уже в 1911 г. в заседании Археографической комиссии А. А. Шахматов заявил об окончании им „труда по обозрению русских летописных сводов“. Однако постоянно следует иметь в виду, что многие последние взгляды Шахматова в „Обозрении“ не отразились.

Таким образом, точное текстологическое исследование всегда было у А. А. Шахматова основой, фундаментом всякого изучения летописи, хотя многое из его текстологической работы и оставалось неопубликованным при жизни, как работа черновая и предварительная.

Замечательно также, что мысль о Повести временных лет никогда не оставляла А. А. Шахматова при работе над любым памятником летописания: большинство глав „Обозрения“ после изучения и анализа того или иного памятника заканчивалось анализом находящегося в нем текста Повести временных лет.¹ Эти заключительные части глав, посвященные изучению Повести временных лет, как бы символизируют всегдашний интерес А. А. Шахматова к древнейшему русскому летописанию.

В развитии научных интересов А. А. Шахматова есть своеобразная стройность: он начал с чисто текстологического исследования древнейшего летописания. Это потребовало от него расширения метода и расши-

¹ К сожалению, при издании „Обозрения“ только первые 5 глав сохранили свои окончания, посвященные „Повести временных лет“; остальные были отброшены редактором, — М. Д. Присьяковым.

рения привлекаемого летописного материала. И то, и другое он приобрел, работая над поздним (московским) летописанием. От общерусского позднего летописания он вновь обратился к древнейшему русскому летописанию, обогащенный знанием истории всех летописных списков и новым подходом к летописи, как отражению исторического развития русского народа. И начиная с 1908 г. выходят его обобщающие труды по русскому летописанию.

А. А. Шахматов был близок к завершению поставленных перед собой задач по изучению русского летописания. Однако в данной им схеме развития русского летописания осталось незаполненным одно важное звено — им не было оставлено подробного исследования о Начальном Киевском своде — том самом, с которого началось изучение летописи в работах А. А. Шахматова, на котором основывалась вся его стройная система древнейшего летописания и в определений которого чаще всего колебалась творческая мысль А. А. Шахматова.¹

Но и достигнутое А. А. Шахматовым — грандиозно.

¹ Публикуемая в настоящем сборнике рукопись А. А. Шахматова „Киевский Начальный свод 1095 года“ отчасти восполняет этот недостаток.